

СТЕФАНИ
Лоуренс

TM
HARLEQUIN®

ПО ЖЕЛАНИЮ
ДАМЫ

Стефани Лоуренс

По желанию дамы

Серия «Галантный век – Harlequin»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27447573
Лоуренс Стефани – По желанию дамы: роман : Центрполиграф;
Москва; 2016
ISBN 978-5-227-07795-0

Аннотация

Деклан Фробишер – один из четырех братьев, сын основателя судоходной компании «Фробишер и сыновья» – женится на леди Эдвине, миниатюрной светской красавице, не подозревая, что его избранница в глубине души такая же любительница приключений, как и он сам. В разгар медового месяца капитан Фробишер, служивший под началом шефа Британской секретной службы, получает очередное задание. Ему предстоит отправиться во Фритаун, столицу Сьерра-Леоне в Британской Западной Африке. Там бесследно исчезают люди, подданные Великобритании. Жена просит взять ее с собой, но Деклан отказывает – задание сопряжено с опасностями. Однако леди Эдвина не из тех, кто смиренно соглашается остаться в стороне...

Содержание

Действующие лица	5
Глава 1	10
Глава 2	39
Глава 3	61
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Стефани Лоуренс

По желанию дамы

Роман

Stephanie Laurens

The Lady's Command

The Lady's Command Copyright © 2016 by Savdek
Management Proprietary Limited

«По желанию дамы» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф»,
2018

Действующие лица

Главные:

Деклан Фробишер – главный герой.

Леди Эдвина Фробишер – главная героиня.

В Лондоне:

Слуги:

Хамфри – дворецкий.

Миссис Кинг – экономка.

Кухарка.

Уилмот – горничная Эдвины.

Семья:

Лукаста Делбрейт – мать Эдвины, вдовствующая герцогиня Риджуэйская.

Лорд Джулиан Делбрейт, он же **Невилл Роско** – старший брат Эдвины, известный лондонский игрок.

Леди Миранда Делбрейт – жена Джулиана.

Леди Миллисента Кейтервейл – старшая сестра Эдвины.

Лорд Кейтервейл – муж Миллисенты.

Леди Кассандра Элсбери – сестра Эдвины.

Лорд Элсбери – муж Кассандры.

Антея Кроуфорд – компаньонка Лукасты, дальняя род-

ственница.

Общество:

Леди Монтгомери – светская дама.

Леди Сериз Митчелл – светская дама.

Фицуильям – джентльмен из высшего общества.

Леди Холланд – устроительница светских приемов.

Леди Марчмейн – пожилая светская дама.

Леди Минчингэм – светская дама.

Леди Форсайт – светская дама.

Леди Камерфорд – светская дама.

Правительство:

Ройс, герцог Волверстоун, он же **Дальциэль** – бывший командир британских тайных агентов за пределами Англии.

Минерва, герцогиня Волверстоун – жена герцога Волверстоуна.

Виконт Мелвилл – первый лорд адмиралтейства.

В Абердине:

Фергюс Фробишер – отец Деклана.

Элейн Фробишер – мать Деклана.

Ройд Фробишер – самый старший брат Деклана.

В море:

Роберт Фробишер – второй по старшинству брат Декла-

на.

Калев Фробишер – самый младший из четверых братьев Фробишер.

Катрин Фробишер (Кит) – двоюродная сестра Деклана.

Локлан Фробишер – двоюродный брат Деклана.

Во Фритауне:

Капитан Джон Диксон – военный инженер, пропал без вести.

Лейтенант Уильям Хопкинс – Западноафриканская эскадра королевского флота, пропал без вести.

Лейтенант Томас Фэншоу – Западноафриканская эскадра королевского флота, пропал без вести.

Хилсайт – бывший агент Волверстоуна, советник губернатора, пропал без вести.

Губернатор Холбрук – главнокомандующий Британской Западной Африки.

Леди Летиция Холбрук – жена губернатора.

Сэттерли – первый помощник губернатора.

Майор Элдридж – командир форта Торнтон.

Вице-адмирал Деккер – командующий Западноафриканской эскадрой королевского флота, в настоящее время в море.

Капитан Ричардс – армия, форт Торнтон.

Уоллис – агент по недвижимости, Фритаун.

Миссис Мона Хардвик – жена священника.

Хардвик – англиканский священник.

Миссис Шербрук – местная дама.

Миссис Куинн – местная дама.

Миссис Роби – местная дама.

Миссис Хичкок – местная дама.

Майор Уинтон – комиссар форта Торнтон.

Миссис Уинтон – жена майора Уинтона.

Чарльз Бабингтон – партнер в торговой компании «Маколей и Бабингтон».

Маколей – старший партнер в торговой компании «Маколей и Бабингтон».

Миссис Женестьева Маколей – жена Маколея.

Обо Ундото – местный священник.

Сэмпсон – старый моряк.

Лашория – жрица вуду.

На борту «Большого баклана»:

Джошуа Колдуэлл – первый помощник капитана.

Джонсон – штурман.

Гримсби – боцман.

Эллиот – рулевой.

Генри – стюард.

Денч – опытный моряк.

Каррадерс – опытный моряк.

Биллингс – опытный моряк.

Хиггинс – матрос.

Апшо – матрос.

Мартин – матрос.

Джинджер – юнга.

Кэм – юнга.

Глава 1

Апрель 1824 года Лондон

Жениться на девушке своей мечты оказалось на удивление легко. Что же касается устройства идеальной семейной жизни... Это было, по всей видимости, задачей намного более сложной.

Деклан Фергюс Фробишер стоял рядом со своей молодой женой, леди Эдвиной Фробишер, урожденной Делбрейт, и слушал какофонию голосов. В гостиной леди Холланд собрались представители высшего общества. Людская болтовня не смолкала ни на минуту и напоминала крики чаек, хотя, в отличие от последних, люди разговаривали друг с другом только ради того, чтобы поговорить. Представители высшего общества, в нарядных шелковых и атласных платьях, в черных фраках, переходили от одного кружка к другому, сменяясь, словно кусочки в пестром калейдоскопе.

Просторный зал освещали несколько люстр; свет играл в искусно уложенных кудрях и на помаженных локонах, равно как и в многочисленных шедеврах ювелирного искусства, украшавших шеи, мочки ушей и запястья присутствовавших дам.

Одна из них, весьма грузная особа, подплыла к ним с противоположного конца зала, сверкая бриллиантами.

– Эдвина, дорогая моя! – Дама пожала новобрачной руку и прикоснулась щекой к ее щеке. Эдвина просияла в ответ, но дама уже переключила свое внимание на ее мужа. Она осмотрела его с ног до головы. – Ты должна... нет, ты просто обязана познакомить меня со своим мужем! – Голос дамы почти превратился в мурлыканье.

Деклан покосился на Эдвину; ему стало интересно, как она отреагирует на просьбу светской дамы, за словами которой явственно читались не самые лучшие намерения.

Молодая жена его не разочаровала; она одарила даму широкой улыбкой – словно кошка, которая только что выпила целую миску сливок и предвкушает, что скоро получит еще. Всем своим видом она демонстрировала такую уверенность, что Деклан внутренне улыбнулся. Словно угадав, как ему весело, Эдвина взглянула на него и, легко взмахнув рукой, обратилась к знакомой:

– Леди Сериз Митчелл, позвольте представить вам моего мужа Деклана Фробишера.

От него не укрылось, с каким нажимом она произнесла слова «моего мужа»; вежливо улыбнувшись, он с поклоном пожал протянутую руку. Леди Сериз чарующим голосом промурлыкала «Очень приятно», но Деклан уже потерял к ней интерес. Хотя все же приходилось уделять внимание подходившим гостям, разговаривать с ними, отвечать на их вопросы, уклоняясь от тех, которые казались ему слишком личными, общение с ними не было главной причиной его

присутствия на этом вечере.

По другую сторону от Эдвины стояла ее мать Лукаста, вдовствующая герцогиня Риджуэйская – красивая, надменная женщина с благородным лицом. Вдовствующую герцогиню поддерживала сестра Эдвины, леди Кассандра Элсбери, милостивая молодая женщина несколькими годами старше Эдвины. Кроме того, в их кружок входили несколько ясноглазых дам и оживленных джентльменов. Все они спешили засвидетельствовать свое почтение вдовствующей герцогине и ее дочерям; что было еще важнее, они хотели побольше разузнать о новичке в их кругу, которому удалось заполучить руку самой завидной невесты. Деклан старался соответствовать ожиданиям гостей, напустив на себя таинственный вид.

На самом деле узнать, кто он такой, не составляло труда. Он происходил из древнего рода – в елизаветинские времена Фробишеры сражались вместе с сэром Уолтером Рэли. Семья была родовитой; в силу своего происхождения ее представители были вхожи в самые высшие круги общества. Правда, со временем Фробишеров стали считать чужаками – они жили особенной жизнью, стараясь избегать светского общества. И если Рэли в битвах в первую очередь стремился к личной славе и только во вторую – к спасению родины, Фробишеры вступали в бой неохотно и только по приказу короля. Они были династией мореплавателей, а сражения стоили людских жизней и кораблей.

Они участвовали и в Трафальгарском сражении, хотя и

не под командой лорда Нельсона. Зато флот Фробишеров не позволил французам уйти на север и перегруппироваться. Отец и дяди Деклана на своих быстроходных судах потопили и захватили в плен множество французских фрегатов.

В общем, Фробишеры не были совершенно неизвестны в свете. Загадка заключалась в том, кто в данный момент принадлежит к этому семейству и чем они сейчас занимаются. Кроме того, никто не знал источника их состояния, а также его размера. Фробишеры не считались крупными землевладельцами, а те земли, что у них были, лежали на севере, в окрестностях Абердина – то есть довольно далеко от Лондона. В основном имущество у семьи было движимым, точнее, плавающим. Представители высшего общества ломали голову, пытаясь понять, почему это во всех прочих отношениях уважаемое семейство опустилось до торговли. Свет поощрял тех, кто жил на доходы со своих земель, но не мог уравнивать земельные владения с кораблями.

Кроме того, до многих из присутствовавших на приеме доходили неясные слухи о недавних подвигах Фробишеров. Большинство слухов – касавшихся исследований новых земель и чрезвычайно выгодных поставок товаров – были недалеко от истины. Более того, истина зачастую оказывалась поразительнее самых изощренных слухов.

Конечно же, в обществе необоснованные слухи вызывают только больший интерес. Этот интерес – точнее, плохо скрываемое любопытство – явственно читался в глазах гостей ле-

ди Монтгомери.

– Послушайте, Фробишер, – обратился к нему некий мистер Фицуильям. – Я слышал, кто-то из вашей семьи недавно уговорил американских колонистов подписать новый торговый договор. В чем там было дело, а? Это были вы?

Переговоры вел Роберт, один из двух старших братьев Деклана, самый искусный дипломат среди Фробишеров. Договор, который Роберт привез из Джорджии, не только еще больше обогатит их семейство, но и пополнит королевскую казну.

– Это был не я, – с улыбкой ответил Деклан. Видя, что Фицуильям намерен упорствовать, он пояснил: – До меня такие слухи не доходили.

Зачем ему обращать внимание на слухи, если ему были известны факты?

Он не собирался никому делать одолжения, посвящая в дела своей семьи. Единственная причина, которая заставила его сегодня прийти сюда, стояла рядом с ним – его очаровательная, сияющая молодая жена.

Его словно магнитом притягивало к ней – ослепительной, блистательной и соблазнительной, поистине обворожительной от золотистых кудрей на голове до изящных маленьких ножек. Она полностью завладела его мыслями. Отчасти это было физическое притяжение – да и какой мужчина из плоти и крови устоит перед таким совершенством? Ее светлые кудри обрамляли прекрасное лицо в форме сердечка; огромные

голубые глаза лукаво смотрели из-под длинных ресниц; иногда она красиво выгибала брови. На ее бело-розовом лице не было ни одного пятнышка, если не считать очаровательных веснушек на носике, а полные розовые губы так и манили их поцеловать. Однако ее губы почти постоянно двигались, чаще всего – расплывались в улыбке; выражение ее лица постоянно менялось, отражая смену настроения и живой интерес, а блестящие голубые глаза, словно зеркало, отражали глубокий ум.

Если добавить к этому изящную маленькую фигурку – она напоминала уменьшенную копию Венеры, – станет понятно, почему ни одно другое живое существо не способно было так прочно завладеть его вниманием. С того самого мгновения, когда он впервые увидел ее, Деклан понял, что за нее стоит бороться. Авантюрист в глубине души, он решил добиться ее – и добился.

Они были женаты лишь немногим больше трех недель. Год назад, когда он вернулся в Лондон из Нью-Йорка и должен был месяц ждать следующего плавания, от скуки и поддавшись на уговоры старых друзей, он отправился с ними на бал. Потом, и в Нью-Йорке, и на обратном пути, его грызла совершенно новая, неведомая ранее тоска, неизведанное желание. Совершенно неожиданно его мысли обратились к теплу собственного семейного очага, он задумался о семье.

О браке.

О жене.

Как только он увидел Эдвину на том самом первом балу в прошлом году, Деклан сразу понял, кто именно будет его женой. С характерным для него упорством он принялся добиваться ее, дочь герцога, порой казавшуюся высокомерной. Двадцатидвухлетняя Эдвина вот уже три года выходила в свет, где заработала себе репутацию неприступной особы.

С первого мгновения, когда соприкоснулись их пальцы и взгляды, между ними пробежала искра. Ухаживать за Эдвиной оказалось удивительно легко. Несколько месяцев спустя он сделал ей предложение – и она ответила согласием.

В те редкие моменты, когда Деклан вообще об этом задумывался, ему казалось, что все идет чрезвычайно гладко по направлению к счастливой, удобной семейной жизни.

Затем, за три месяца до свадьбы, Лукаста и Эдвина, несмотря на глубокий снег, отважились нанести визит его родным в поместье близ Банкори-Девеник. Узнав о цели их приезда, Деклан вначале решил, что инициатором поездки была Лукаста. Но позже выяснилось, что именно Эдвина настояла на том, чтобы Фробишеры узнали тайну, которую ее семья скрывала более десяти лет, до, а не после их свадьбы.

Деклан, его родители и трое братьев, глубоко заинтригованные, сидели в уютной гостиной и слушали рассказ Лукасты. Разумеется, они были поражены, узнав, что ее старший сын, восьмой герцог, покончил жизнь самоубийством из-за огромных долгов, а младший, считавшийся пропавшим или погибшим, на самом деле скрывался под маской Невилла Ро-

ско, лондонского короля азартных игр.

Они были удивлены, но не шокированы, как предполагала Эдвина, и даже заинтригованы.

Благодаря тем возможностям, которые предстали перед Фробишерами при мысли о том, что они породнятся с человеком, подобным Роско – с его могуществом, авторитетом и состоянием, – брак Деклана показался им не просто очень хорошей, но блестящей партией.

Позже, когда Эдвина и ее мать уехали, отец, Фергюс, хлопнул Деклана по плечу и воскликнул:

– Ну, парень, лучшего выбора ты не мог сделать! Личные связи с Невиллом Роско... О таком мы и не мечтали! Такое родство еще больше укрепит семью.

Родители Деклана, Фергюс и Элейн, и его братья с самого начала одобрили его выбор, но такие, совершенно неожиданные подробности о будущих родственниках лишь укрепили их в собственном мнении.

После пышного венчания, которое прошло в церкви в стаффордширском имении герцога, Деклан, Эдвина и его близкие провели некоторое время в Риджуэе с родственниками Эдвины. Деклану, его отцу и братьям удалось познакомиться с неуловимым лордом Джулианом Делбрейтом, известным в обществе под именем Невилл Роско. По всей видимости, его недавняя женитьба на Миранде, ныне – леди Делбрейт, заставила его изменить давнему нежеланию появляться в обществе под своим настоящим именем. Джулиан

и Миранда присутствовали на свадьбе, хотя предпочитали держаться в тени и не показываться на глаза остальным гостям.

Эдвину присутствие брата глубоко взволновало, а Деклан, наоборот, был очень доволен этим обстоятельством. Затем Фробишеры, Роско и его «правая рука», Джордан Дрейпер, встретились с глазу на глаз. Встреча почти буквально стала вишенкой на свадебном торте. Как оказалось, Роско так же одобрял брак сестры с Декланом, как и Фробишеры. Выяснилось, что они во многом мыслят одинаково.

Знакомство стало прямым следствием раскрытия правды о семействе Делбрейт, но одна тайна имела далеко идущие последствия, словно круги на поверхности воды, в которую бросили камень.

Затем Деклан, Фробишеры и Эдвина отправились на пару недель на север, в Банкори-Девеник. Спустя несколько дней после их прибытия Фергюс попросил Деклана составить ему компанию на прогулке.

Как только они оказались на достаточном удалении от дома, Фергюс, глядя перед собой, объявил:

– Мне кажется, мальчик мой, что мы можем многому научиться у родных твоей Эдвины. Сейчас я говорю не о Роско, а о других, особенно о дамах.

Не совсем понимая, о чем говорит отец, Деклан хранил молчание.

Пройдя еще несколько шагов, Фергюс продолжал:

– С тех пор, как последний из Фробишеров показывался в высшем свете, прошло много времени. Если можно так выразиться, высший свет никогда не считался нашим полем битвы. Но я смотрю на старую вдовствующую герцогиню, на ее дочерей и на невестку и думаю о том, чего им удалось достичь за последние десять лет. Если вспомнить, сколько всего им приходилось скрывать, им удалось... Для того чтобы скрывать правду, если не сказать дурачить общество, да к тому же так ненавязчиво и изящно... нужен талант, которого нашему семейству не хватает. – Деклану показалось, что агатовые глаза отца видят его насквозь. – Ты сказал, что собираешься взять Эдвину с собой в Лондон, что вы сняли там дом и что Эдвина со вдовствующей герцогиней считают, что вам обоим необходимо появляться в обществе, чтобы, так сказать, заявить о себе... По-моему, ты получишь прекрасную возможность поучиться тому, как им все удается.

«Удается...» Поразмыслив, Деклан уточнил:

– Ты хочешь, чтобы я выяснил, как им удается повернуть общественное мнение, чтобы свет думал о них именно то, что нужно им?

– Именно! – Фергюс направился дальше. – Может быть, в семье Делбрейт всем и заправляют дамы, учитывая молодость герцога, но ни одну из них не назовешь глупой. Все они прекрасно умеют манипулировать общественным мнением и знают, как навязать взгляды, благоприятные для членов их семьи. Мальчик мой, они обладают такими способностями,

которые не помешают и нам. И пусть мы сторонимся света, считая, что он не имеет для нас никакого значения, но не должны рисковать своими привилегиями... а кто знает, что принесет нам будущее?

Вспоминая слова отца, Деклан улыбнулся какой-то молодой даме и похвалил ее изящный веер в восточном стиле. Уже давно он понял, что ему стоит прислушиваться к мнению отца, всеми уважаемого осмотрительного шотландца. Так что, как и задумали, они с Эдвиной приехали в Лондон и обосновались в арендованном особняке на Стэнхоуп-стрит. Лукаста тоже приехала в столицу, но остановилась у своей старшей дочери, леди Миллисенты Кейтервейл, на Маунт-стрит. Деклан оценил тактичность тещи: она понимала, что молодоженов лучше оставить наедине.

Затем Эдвина и Лукаста, с помощью Милли и Касси, составили список мероприятий, на которых, как объявила Эдвина, ей необходимо присутствовать. Она освободила мужа от дневных приемов, но потребовала присутствовать на вечерних, на что он с готовностью согласился.

За прошедшую неделю они побывали на нескольких балах, званых ужинах, вечерах и светских раутах. И сегодня, как и на прошедших мероприятиях, он был здесь, чтобы учиться тому, как его жена и женщины из ее семьи «управляют» светским обществом.

Сначала он наблюдал за Лукастой, решив, что именно она была инициатором распространения удобных, не шокиру-

ющих общественное мнение версий ранней смерти своего старшего сына и исчезновения младшего. Лишь благодаря пристальному вниманию он смог уловить разницу между Лукастой у себя дома и в обществе. Она словно отгораживалась особым экраном, укутывалась в своеобразную вуаль, скрывающую, какова она на самом деле. Даже догадавшись о существовании такого экрана, он не видел, что происходит за ним. Благодаря своему защитному барьеру Лукаста становилась в обществе куда более жесткой, холодной, высокомерно-отстраненной. Такая эмоциональная защита держала других на расстоянии; посторонним разрешалось видеть лишь то, что хотела показать вдовствующая герцогиня.

Разглядеть «вуаль» Эдвины оказалось еще труднее. Деклан кое-что заметил, только поняв, что в ее арсенале наверняка имеется подобное средство защиты. Благодаря тому что она по натуре была живой и общительной, ее «доспехи» напоминали зеркало, отражавшее то, что хотели видеть окружающие, – и отнюдь не то, что на самом деле скрывалось за «доспехами».

Милли и Касси он тоже не обделил вниманием. И у них имелись защитные «вуали», хотя куда более мягкие и прозрачные, в соответствии с их характерами. Лукаста, вне всяких сомнений, отличалась железной волей – иначе ей не удалось бы столько лет бороться с превратностями судьбы. Из всех трех ее дочерей Эдвина была больше всех похожа на мать, она тоже обладала гибкой, пластичной и в то же время

непреодолимой женской силой.

Это озарение снизошло на него несколько ночей назад и заставило задуматься.

Впервые обратив внимание на Эдвину, он полагал, что Делбрейты окажутся обыкновенными, консервативными и даже в чем-то скучными аристократами. На самом же деле они скрывали тайну настолько необыкновенную, что она могла бы вызвать в обществе скандал. Вскоре ему стало совершенно ясно, что в незаурядности Делбрейты вполне способны дать фору самим Фробишерам.

Лукаста оказалась совершенно не похожей на обычную вдову, больше всего озабоченную соблюдением приличий, какой он ее вначале считал. Ну а Эдвина...

Его представления о самом обыкновенном, предсказуемом, традиционном браке испарились.

Женщина, которую он взял в жены, совсем не соответствовала его прежним представлениям о девушке, на которой он мог бы жениться.

Ее маленькая ручка лежала у него на рукаве; она была почти невесомой, словно птичка, присевшая на ветку. И все же ее близость настолько занимала все его мысли и чувства, что он едва замечал, что говорят люди вокруг них. Вот почему иногда отвечал невпопад. Его совершенно не интересовали те, кто их окружали; он думал только о ней.

Эдвина объяснила, что им необходимо бывать в свете, чтобы «заявить о себе». Деклан не был уверен, что до конца

ее понял, но она явно преследовала какую-то цель. Поняв, что она, в отличие от него, чувствует себя в высшем обществе как рыба в воде, он доверился ей, хотя так и не понял, чего именно она сейчас добивается.

И самый этот факт уже кое-что значил.

Дело в том, что он совсем недавно осознал: оказывается, его хрупкая, изящная, похожая на сказочную фею жена обладает вполне сформировавшимся и самостоятельным умом.

Она ставит перед собой цели и продумывает пути их достижения, а затем воплощает планы в жизнь.

Деклан не сомневался и в том, что у его жены имеются собственные взгляды на то, какой будет их семейная жизнь, – правда, пока ему так и не удалось выяснить, что она думает об их совместном будущем. Интересно, как он отнесется к ее планам – улыбнется и сразу согласится или...

Пока он не мог и представить себе, что их ждет. И все же он женился на ней и не поступил бы иначе за все золото в мире. Больше всего на свете ему хотелось жениться на ней – и вот она стала его женой.

Покосившись на нее, он заметил, как блестят ее глаза, как оживленно ее лицо, когда она принимает поздравления с бракосочетанием от другой пары.

В общем и целом он был более чем доволен тем, что Эдви-на стала его женой. Оставалось лишь понять, что придется сделать ему, чтобы стать ей хорошим мужем.

Эдви-на стояла подле Деклана, не переставая улыбаться и

не сводя глаз со своей «наградой». И она, и ее мать с сестрами сошлись во мнении, что им с Декланом очень важно показать себя в обществе в исключительно правильном свете. Какими их будут сейчас и в будущем видеть представители высшего общества, зависит только от впечатления, которое они произведут в эти первые недели. Тот факт, что сегодня, практически с самого появления, они оставались в центре внимания, окруженные заинтригованными гостями, которые шли к ним нескончаемым потоком, свидетельствовал о том, что в высшем свете они уже сейчас заработали себе репутацию людей, знакомство с которыми стоит поддерживать.

Мысленно она ликовала. Ее первая цель в качестве замужней дамы была достигнута.

Когда леди Холланд остановилась рядом с ними и после того, как Эдвина представила ей мужа, снизошла до одобрительной улыбки, Эдвине с трудом удалось скрыть радость и облегчение. Высшее общество – суровый судья, но одобрение такой высокопоставленной дамы, как хозяйка сегодняшнего вечера, неопровержимо свидетельствовало о том, что их одобрили. Выражаясь светским языком, они пришлись ко двору.

Конечно, леди Холланд всегда питала слабость к симпатичным и обаятельным джентльменам.

Посмотрев на Деклана, Эдвина позволила своему взгляду задержаться на резко очерченных, четких линиях его лица. Она ласкала взглядом его красивые брови, высокие ску-

лы, уверенные, подвижные губы и мужественный подбородок. Лучики в уголках небесно-голубых глаз под изогнутыми темными бровями и загорелое лицо напоминали о долгих месяцах, проведенных в море. Его каштановые, выгоревшие на солнце волосы дополняли картину. Они по тогдашней моде выглядели немного взъерошенными, а выгоревшие пряди лишь усиливали эффект.

Высокий рост и широкие плечи, сама его манера держаться – идеальная выправка и подвижность, спокойствие и уверенность выгодно отличали его практически от всех остальных присутствующих мужчин.

Когда леди Холланд отошла, Лукаста коснулась рукава Эдвины, привлекая к себе ее внимание.

– Дорогая, я вижу, что вокруг леди Марчмейн у стены собрался кружок. По-моему, мне стоит подойти к ней и понаблюдать, чтобы она правильно восприняла все важные сведения.

Эдвина проследила за взглядом матери, устремленным к кружку пожилых дам. Она кивнула:

– Спасибо, мама. Мы подойдем к тебе, когда соберемся уезжать.

Леди Марчмейн была близкой подругой ее матери и, кроме того, одной из самых активных дам высшего общества; если требовалось как можно скорее распространить в свете какую-то весть, не было лучшей посредницы, чем леди Марчмейн.

Окинув взглядом длинную вереницу гостей, желавших познакомиться с Декланом, Эдвина мысленно вздохнула. Сколько им еще придется здесь оставаться? Ни она, ни ее мать не могли даже примерно представить себе, сколько вечеров им необходимо потратить на то, чтобы упрочить ее в новом положении замужней дамы и, что еще важнее, закрепить положение Деклана в высшем обществе. Они предполагали, что на достижение цели уйдет очень много дней и ночей – домашних приемов, утренних и дневных чаепитий, обедов, балов и званых вечеров. Они приехали в Лондон всего лишь неделю назад; их кампания продолжалась всего шесть дней. Они не ожидали такого быстрого успеха.

Эдвина была чрезвычайно рада тому обстоятельству, что все сложилось так хорошо. Как оказалось, проводить вечера, стоя рука об руку с Декланом – привлекательным, внимательным и учтиво-обходительным, – было далеко не таким тяжелым испытанием, как она представляла. Она ожидала, что придется оберегать его от светских ловушек, но ее подозрения не подтвердились. Он сам их видел и ловко от них уворачивался. Для человека, который раньше практически не бывал в свете, он держался очень хорошо.

Продолжая обмениваться шутками и репликами с теми, кто их окружал, словно с каждым словом их успех в обществе все больше закреплялся, она испытывала растущее нетерпение. Похоже, здесь они уже преуспели. Пора переходить к следующему этапу, чтобы превратить их брак в тот

союз, о котором она мечтала. А для этого им с Декланом необходимо было оказаться в другом месте – и, конечно, не посреди зала на светском рауте!

Деклан очень обрадовался, когда они наконец решили покинуть Монтгомери-Хаус. По предложению Эдвины они вместе с Касси направились к Лукасте, беседовавшей с несколькими пожилыми дамами. Вдовствующая герцогиня поднялась и представила его своим подругам. После неизбежного обмена вежливыми фразами Лукаста накинула шаль и они попрощались с хозяйкой вечера, а затем направились к выходу. К облегчению Деклана, Касси предложила Лукасте поехать с нею в карете, оставив их с Эдвиной наедине на коротком пути к Стэнхоуп-стрит.

Стоило дверце кареты закрыться за ними, защитная маска Эдвины спала. Во время поездки она весело и оживленно вспоминала, что говорили некоторые из тех, с кем они сегодня встречались, объясняя важность тех или иных замечаний и знакомств. Все ее комментарии оказались весьма поучительными; ему показалось, что обстановка, царившая сейчас в карете, ему прекрасно знакома. Пока карета, трясясь, ехала по булыжной мостовой, он осознал, что рассказы Эдвины напоминали его собственные отчеты после завершения очередного тайного задания.

Чем дальше он размышлял обо всем этом, тем более удачным казалось ему его сравнение.

Свои рассуждения Эдвина завершила следующим замечанием:

– Кажется, мама была права. – В полутьме кареты их взгляды встретились. – Она нисколько не сомневалась в том, что относительно нашей свадьбы мнение света будет ориентироваться на меня – на то, как будем себя вести мы с мамой, Милли, Касси и их мужья. По ее мнению, мне только и нужно все время находиться рядом с тобой и всем своим видом показывать, насколько я рада быть твоей женой, и все будет в порядке. – Она счастливо вздохнула и придвинулась к нему поближе. – Мама, как обычно, оказалась права.

У него в голове возникли сразу несколько вопросов, но он сначала задал тот, который касался его в наибольшей степени:

– Ты и правда рада быть моей женой?

Эдвина широко улыбнулась ему. Несмотря на царившую в карете полутьму, он увидел направленный на него взгляд.

– Ты же знаешь, что да! – Она коснулась его руки и слегка ее сжала. – Я не могла бы быть счастливее.

Ее слова прозвучали очень искренне; при этом он испытал такую радость, что не смог сдержать счастливой улыбки.

Карета повернула, и ее прижало к нему.

Когда Деклан склонил к ней голову, она подняла глаза.

Их взгляды встретились и больше не отрывались друг от друга.

Кончиком пальца он нежно провел по ее пухлой нижней

губе.

Она запрокинула голову, прикрыла глаза, и он склонился ниже...

Карета замедлила ход и остановилась.

Эдвина широко раскрыла глаза. Посмотрела на него в упор – их разделяло совсем небольшое расстояние. Потом губы, которые Деклан продолжал поглаживать подушечками пальцев, изогнулись в улыбке.

Он услышал, как лакей спрыгнул с задка кареты, и, глубоко вздохнув, выпрямился.

– По-моему, миледи, мы прибыли домой.

– В самом деле!

Даже в темноте Деклан видел, что ее глаза горят желанием. Когда лакей открыл дверцу кареты, Эдвина негромко сказала:

– Милый муженек, пойдем поскорее в дом!

Обоих охватило возбуждение. Бросив на мужа еще один пылкий взгляд, Эдвина повернулась к дверце. Выйдя из кареты, он помог ей сойти и, не выпуская ее руки, повел к парадному входу.

Дверь открылась перед ними прежде, чем они успели подняться. Хамфри, их новый дворецкий, с поклоном впустил их в дом.

– Сэр, миледи... Добро пожаловать домой.

– Спасибо, Хамфри. – Рука Эдвины выскользнула из пальцев Деклана, и молодая женщина устремилась вверх по па-

радной лестнице.

Он бесшумно шел за ней следом.

Хамфри закрыл дверь.

– Вам что-нибудь еще понадобится, сэр? А вам, миледи?

– Вряд ли. – Деклан не сводил взгляда с женственных изгибов, подчеркнутых голубым атласным платьем. – Можете запирать дом на ночь. Мы с ее светлостью пойдем спать.

Не останавливаясь, Эдвина бросила через плечо:

– Да, будьте добры, передайте Уилмот, что сегодня мне ее помощь не понадобится.

Уилмот была ее горничной. Деклан улыбнулся.

Эдвина подошла к двери их общей спальни, открыла ее и проскользнула внутрь. Он не отставал от нее, остановившись только для того, чтобы закрыть за собой дверь, а затем, снова устремив взгляд на предмет своего вожеления, шагнул к ней.

Не дойдя до широкой кровати с синим балдахином на четырех столбиках, Эдвина неожиданно повернулась. Сделав по одному шагу навстречу друг другу, они встретились.

Головой Эдвина едва доставала мужу до плеча; встав на цыпочки, она обняла его за шею, а он обхватил ее за талию и крепче прижал к себе. Их губы встретились и слились в поцелуе.

Поцелуй становился все глубже, проникновеннее. Она соблазнительно разомкнула губы, и его язык тут же отправился исследовать ее рот. Завоевывать и распоряжаться.

Хотя Эдвина выходила замуж девственницей, в первую брачную ночь ее никак нельзя было назвать зажатой и испуганной. Она с радостью погрузилась в водоворот новых ощущений, и ее огромное, всеобъемлющее желание ошеломило Деклана. Его завораживало ее откровенное стремление научиться у него всему, что касается страсти. Ее неутомимая жажда приключений в этой области продолжала его пленять. И совершенно поработала.

Он с удовольствием ей поддавался. Единственной мыслью, которая оставалась у него в голове, когда он увлек ее на постель, было то, как лучше воспользоваться плодами своей капитуляции.

Эдвина плавала на волнах триумфа. Ей хотелось отпраздновать событие, которое она считала своей маленькой победой, – их успех в высшем обществе, всецелое одобрение светом их союза.

Радость и наслаждение играли и переливались в ней. Спиной падая на постель, она чувствовала, как ее накрывает волной возбуждения. Пальцы Деклана нащупали шнуровку ее корсета, а она принялась расстегивать большие пуговицы его жилета. Он остановился только для того, чтобы сбросить и сюртук, и жилет, не заботясь о том, куда они упадут, а Эдвина тем временем приступила к его рубашке.

В этой сфере их брака она с самого начала чувствовала себя совершенно уверенно и была благодарна мужу за его страстность, искренность и мастерство в любовной игре. Он

был уверен в себе, и при этом откровенно желал ее, стремился завоевать – был совершенно поглощен происходящим и жил этим мгновением.

Он был полностью открыт в своих чувствах к ней.

Показывал, как много она для него значит.

Она отправилась в это приключение с открытым сердцем, окрыленная уверенностью в том, что любима и желанна.

Ни одна женщина не способна жаждать большего от своей первой брачной ночи!

И, начиная с той ночи, они вместе открывали для себя все новые радости.

Она старалась научиться всему, чему он мог ее научить, и всему, чему она могла научиться по собственному почину. И каждую ночь, хотя цель их оставалась одной и той же, пути к ней оказывались разными, дороги – всякий раз новыми, а открытия, с которыми они сталкивались, – свежими и всепоглощающими.

Деклан целовал ее, дразнил языком. Эдвина отвечала ему, применяя все приемы соблазнения, которые успела освоить. Она вытащила полы его рубашки из брюк и расстегнула последнюю пуговицу. Поглощенная поцелуем, жаром их страсти, которая разгоралась все сильнее, она все же успела полюбоваться Декланом, пока развязывала аккуратный узел его галстука.

Наконец освободившись от всего, что ей мешало, она распахнула на нем рубашку, нежно провела пальцами по его

крепкой, мускулистой груди и быстро спустила рубашку с его плеч. Деклан, не переставая целовать жену, освободился от рубашки, которая полетела на пол следом за жилетом. В предвкушении всего, что ждало ее впереди, Эдвина затрепетала. Ее обдало жаром.

Искусные ласки возбуждали и увлекали обоих на путь ночных приключений.

Шелест шелка. Шорох одеяла. Бессвязный лепет...

Прикосновения кончиков пальцев к мучительно чувствительной коже.

Мышцы расслаблялись и тут же становились твердыми, словно сталь.

Лаская друг друга, они переживали восторг наслаждения и, сплетясь пальцами, не отрывая губ, горячо дыша, продолжали свое страстное путешествие, устремляясь к ослепительному окончанию. Наконец их подхватил настоящий вихрь, накрыл с головой и полностью поглотил.

Пережив экстаз, усталые, с бешено бьющимися сердцами, ослепленные великолепием испытанного, они снова спустились с небес на землю и теперь приходили в себя, нежно обнявшись.

Когда Эдвина снова обрела способность здраво мыслить, она вспомнила свой сегодняшний триумф, который не давал ей, как обычно после секса, погрузиться в приятную дремоту. Она не знала, спит Деклан или нет, потому что все еще лежала в его объятиях, положив голову ему на плечо, и не

видела его лицо.

Эдвина наслаждалась покоем, чувствовала удовлетворение и защищенность, и ей не хотелось говорить. Ей казалось, что он испытывает те же чувства; его грудь мерно вздымалась и опускалась у ее щеки, его спокойное дыхание действовало на нее умиротворяюще.

Мысли блуждали, не желая ни на чем останавливаться; она лишь инстинктивно гадала, чего ей хочется – какой, по ее мнению, должна стать их семейная жизнь.

Эдвина не сомневалась в том, что ответственность за их будущую семью лежит на ней, она должна направить семейный корабль на нужный курс. Она прекрасно помнила, что бывает, когда женщина не работает над укреплением семейных отношений; отрицательными примерами могла служить жизнь ее родителей и погибшего брата. Заложить правильный фундамент проще, если делать это сразу, не дожидаясь, пока появятся и закрепятся какие-либо ненужные привычки.

Она знала чего хочет; могла вдохновляться и положительными примерами – прекрасными семьями ее сестер, Джулиана и Миранды. Таким же примером стала для нее с недавнего времени семейная жизнь родителей Деклана – Фергюса и Элейн.

То, что Деклан вырос в крепкой, дружной семье и постоянно видел перед глазами пример родителей, очень ее обнадеживало. Значит, и в собственной семье он рассчитывает

оказывать и получать такую же поддержку.

Когда Эдвина была подростком, они с сестрами, бывало, часами сидели в гостиной Риджуэя и мечтали о том, как заживут своим домом. Как Милли, так и Касси удалось построить счастливую семью – каждой по-своему. И Кейтервейл, и Элсбери души не чаяли в своих женах, были мудрыми и заботливыми отцами и делились с женами радостями и печальями, посвящали их во все свои дела.

Эдвина не собиралась от них отставать. На самом деле ей хотелось даже большего. По натуре она была общительнее, любознательнее Милли и Касси и всегда хотела от жизни большего, хотела исследовать весь спектр своих возможностей.

Учитывая, что они уже закрепили свои позиции в свете, а на физическом уровне их прочно скрепляла нежная страсть, она решила направить усилия на другие составляющие современного брака.

Что касается домашнего хозяйства, у нее все было устроено. Дом, снятый на время лондонского сезона, а может быть, и на более долгий срок, они с Декланом выбрали вместе, но потом он передал бразды правления ей и полностью положился на нее в выборе прислуги. Эдвине повезло найти Хамфри, а также экономку, миссис Кинг, и кухарку, которые прекрасно ладили между собой. Небольшой штат прислуги прекрасно справлялся с делами, и Эдвине не приходилось делать по дому практически ничего, разве что выбирать меню.

Таким образом, открытым оставался только один вопрос: как ей организовать их совместную жизнь во всех остальных сферах, как согласовать их интересы, увлечения, занятия, когда они находятся не в спальне, вне дома и светских раутов.

То есть во всем остальном...

Размышляя об этом, Эдвина поняла, сколь мало ей известно о деловой стороне жизни Деклана – о том, чем он занимался, какую роль играл в семейной судоходной империи, какие конкретно дела ему поручают. Он сказал, что в следующее плавание отправится не раньше июля, а может быть, даже позже; таким образом, у нее остается довольно много времени, чтобы расспросить его, подробно обо всем разузнать, чтобы они смогли работать вместе. Она непременно должна внести вклад в его карьеру.

Она хотела бы выстроить с мужем такие же отношения, какие связывали его родителей. Ей хотелось во всем, в чем только возможно, поддерживать его, понимать, какие к нему предъявляются требования и насколько тяжел груз ответственности, который ему приходится нести. Несмотря на свою природную активность, Эдвина вовсе не стремилась проникать во все без исключения сферы деятельности мужа; ей просто необходимо было всегда находиться в курсе происходящего. Она была совершенно уверена в том, что подобная осведомленность позволила бы им вести именно такую семейную жизнь, которой ей бы хотелось.

Сон подкрадывался все ближе; тело все больше расслаблялось. Но, даже уплывая в мир сновидений, она чувствовала в себе поднимающуюся волну оптимизма и решимости. Наконец-то она может осуществить свой замысел по созданию семьи своей мечты! Вот чем она займется начиная с завтрашнего утра.

Деклану никак не удавалось собраться с мыслями – да и вообще подумать о чем-то связно – до тех пор, пока Эдвина наконец не заснула. До этого времени он все еще находился между двумя мирами, поглощенный чувствами, которые бурлили у него в душе. Они вспыхнули тогда, в их первую брачную ночь, и он думал, что со временем они станут угасать, что, возникая ежедневно – еженощно, – постепенно потеряют свою силу. Но вместо этого они становились все глубже, все крепче укоренялись в нем.

Наконец, когда Эдвина задышала глубоко и ровно и ее расслабленное тело стало чуть тяжелее, он позволил себе отвлечься от жены и подумать о другом.

И, хотя эмоциональный накал немного спал, эффект от него все еще оставался. Не без тревоги Деклан понял, как дорога ему жена. Он подумал об этом еще какое-то время, а затем прогнал мысли в подсознание. Единственное, что стоит в связи с этим помнить, – он ни в коем случае не должен подвергать ее какой-либо опасности.

Некоторое время Деклан обдумывал возможное несоответствие между его стремлением ограждать жену от всего в

ее еще не до конца осознанной ситуации – Эдвину ни в каком случае нельзя считать обыкновенной женщиной. Пока он лишь пришел к выводу, что устройство семейной жизни оказалось делом куда более сложным, чем он предполагал. Надо по возможности оградить Эдвину от другой стороны своей жизни, уберечь от опасностей.

Он попытался представить, каким образом можно достичь желаемого. В голову пришла непрошенная мысль: наверное, неспроста ему, с его авантюрным характером, с первого взгляда приглянулась ее жаждущая приключений натура.

Однако склонность к авантюризму неизбежно таит в себе опасности. Интересно, можно ли как-то обуздать ее тягу к приключениям, при этом не подавляя ее?

Так толком ничего и не придумав, Деклан заснул.

Глава 2

Спустившись на следующее утро в столовую к завтраку, Эдвина уже держала в голове готовый план своей семейной кампании. Она увидела, что ее красавец муж сидит за столом и с хмурым видом читает какое-то письмо. Она замерла на пороге.

– Что там такое?

Деклан поднял голову, ненадолго заглянул ей в глаза и покачал головой. Письмо он сложил и убрал в карман сюртука.

– Ничего. Меня приглашают на совещание. По делу.

Эдвине не терпелось разузнать у него побольше, несколько секунд она даже всерьез размышляла о том, не предложить ли ей его сопровождать, просто чтобы проверить, как он отнесется к ее словам, но... Для этого, пожалуй, было еще слишком рано. С такими, как Деклан, любовые атаки удаются редко; Деклан и ему подобные инстинктивно сопротивляются любому давлению и лишь крепят оборону. Сначала ей нужно подготовить почву.

Эдвина обернулась к буфету, с улыбкой кивнула Хамфри и взяла у него тарелку. Затем набрала с подносов разных вкусностей, села на стул, выдвинутый Хамфри, не переставая думать о том, что ей совершенно ничего не известно о делах своего мужа. И, хотя сейчас был еще явно не подходящий момент для того, чтобы детально расспрашивать его

о предстоящей встрече, время для других вопросов уже настало.

Она налила себе чаю и отпила глоток. Бросив на мужа взгляд поверх чашки, она увидела, что тот вяло ковыряет яичницу-болтунюю.

– Я знаю, что ты управляешь одним из ваших кораблей, но понятия не имею, что ты на нем перевозишь... – Когда Деклан посмотрел на нее, она не отвела взгляда и спокойно продолжала: – С какой целью ты ходишь в плавания? Какие поручения ты выполняешь в компании «Фробишер и сыновья»?

Деклан не отводил взгляд. Он был бы рад ответить на вопрос Эдвины, если бы это отвлекло ее от дальнейших расспросов о том, чем он совсем не хотел с ней делиться. Он быстро придумал, как ей ответить, чтобы удовлетворить ее любопытство:

– Для начала придется кое-что рассказать тебе об устройстве нашей компании.

По широко распахнутым глазам Эдвины он понял, что ему удалось ее заинтриговать, а потому он улыбнулся и продолжил:

– В нашей флотилии есть суда, выполняющие две разные задачи. Часть из них – обычные грузовые суда. Они больше остальных – шире, вместительнее и тяжелее, а потому и медленнее. На них перевозят всевозможные грузы по всему земному шару, хотя сейчас мы сосредоточили наше внима-

ние на маршрутах, пролегающих по Атлантическому океану. В настоящее время наш самый дальний порт на восточном направлении – Кейптаун.

Деклан подцепил вилкой остатки яичницы и воспользовался паузой, чтобы обдумать свои следующие слова. Эдви-на намазала джемом тост и откусила кусочек. Он поднял голову – и не сумел отвести от нее взгляда, особенно после того, как она провела по пухлой нижней губе языком...

Откашлявшись, Деклан заставил себя вернуться к теме их разговора. Собравшись с мыслями, он продолжил:

– Мы с братьями активно заняты в другой отрасли нашего семейного дела. Каждый из нас командует собственным кораблем. Конечно, мы тоже перевозим грузы. Но наши корабли более быстроходные. Кроме того, они новее и лучше способны противостоять неблагоприятным погодным условиям. – Тихо усмехнувшись, он положил вилку и нож и потянулся к чашке с кофе. – Возможно, ты уже заметила, что Ройд слегка помешан на технических характеристиках наших кораблей... – На самом деле старшего из братьев звали Маргатройд, хотя никто, кроме родителей, не осмеливался так его называть. Последнее время он, можно сказать, взял бразды правления в свои руки. – Он постоянно ремонтирует и обновляет корабли. Вот почему «Большой баклан» последние недели в доке. Он сейчас находится на абердинской верфи, а Ройд внедряет свои новейшие идеи, которые мне вскоре предстоит опробовать. – Деклан отпил кофе и, криво

улыбнувшись, продолжал: – Не скрою, мы, остальные, обычно благодарны ему за подобные улучшения. – Благодаря усовершенствованиям Ройда повышались их шансы в борьбе между жизнью и смертью, свободой и пленением.

– Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «остальные»? – Эдвина отряхнула руки от крошек.

– Оставшихся трех родных братьев – Роберта, себя и Калеба – и нескольких двоюродных. Есть и другие кузены; они в основном управляют торговыми судами. Но несколько человек – нас около восьми – занимаются другой стороной нашего бизнеса.

– Вчера вечером один джентльмен упомянул некий договор, с подписанием которого помогли твои родственники. Ты тоже участвовал в этом предприятии?

– Нет. В нем участвовал Роберт. В таких делах он склонен принимать наиболее дипломатичные решения.

Эдвина слегка нахмурилась.

– Что значит «другая сторона вашего бизнеса»? И о каких дипломатичных и прочих решениях идет речь?

Немного подумав, Деклан ответил:

– Грузы бывают разные.

– Например? – Эдвина вопросительно подняла брови.

Деклан не мог не улыбнуться:

– Люди. Документы. Ценности. И, что важнее всего, сведения. – Он замолчал, понимая, что не стоит слишком уж подробно расписывать то, чем они занимаются. – Ничего про-

тивозаконного здесь нет. Мы стараемся перевозить подобные грузы быстро, безопасно и бережно.

– Ах, вот оно что... – Помолчав, Эдвина заметила: – Наверное, в том и причина одержимости Ройда.

Деклан поставил чашку на стол. Раньше он не задумывался о таких вещах, но...

– Наверное, можно сказать, что в результате такой одержимости судоходная компания «Фробишер и сыновья» стала лучшей специализированной службой поставок в мире.

Эдвина улыбнулась:

– Специализированная служба поставок... Понятно. По крайней мере, теперь я знаю, как отвечать на вопрос, чем ты занимаешься.

Деклан полагал, что этих сведений об их семейном предприятии ей, как и всем остальным, должно быть вполне достаточно.

Но не успел он сменить тему разговора, как Эдвина продолжила задавать вопросы:

– Ты говорил, что ходишь в море всего около полугода. Ты отправляешься в рейс в любое время года или в одни и те же месяцы?

– Обычно все, кто занимается этой отраслью деятельности, выходят в рейсы летом и в начале осени, пока погодные условия на море наиболее благоприятные.

– И ты не собираешься выйти в плавание на «Большом баклане» раньше июля?

Деклан кивнул.

– До того времени нет никаких... – он чуть не сказал «заданий», – вопросов, для решения которых понадобилось бы мое непосредственное участие. Остальные обо всем позаботились. – Деклан улыбнулся и посмотрел ей в глаза. – По моему, они рассматривают это как свадебный подарок.

– За который я им очень благодарна. – Эдвина поставила пустую чашку на блюде.

Пока она не задала еще какого-нибудь вопроса, Деклан обернулся и взглянул на часы, стоявшие на каминной полке на другом конце комнаты. Как он и надеялся, жена проследила за его взглядом.

Увидев, который час, она ахнула:

– О господи! Мне уже пора готовиться к домашнему приему у леди Манчингем!

Деклан встал и отодвинул ее стул.

– Я съезжу на деловую встречу, а потом, наверное, загляну в контору, просто чтобы быть в курсе того, что происходит в мире морских перевозок. – Контора компании «Фробишер и сыновья», как и многих других судоходных компаний, находилась в старейшей части Лондонского порта, неподалеку от Тауэрского моста.

Эдвина, которую занимали уже другие мысли, лишь едва заметно кивнула ему в ответ, прежде чем повернуться к двери.

– До вечера! – У дверей она остановилась. – Раньше мне

казалось, что нужно будет пойти на званый вечер к леди Форсайт, но я передумала. По-моему, мы уже перевыполнили все планы. – Она взглянула на Деклана и улыбнулась с заговорщическим видом. – Может быть, тихий вечер вдвоем будет куда лучшим времяпрепровождением.

Деклан ничего не имел против. Остановив жену на пороге, он заглянул в ее огромные голубые глаза и ответил:

– Я определенно отдаю предпочтение тихому вечеру с тобой.

Радостно улыбнувшись в ответ, Эдвина привстала на цыпочки и, когда он склонил голову ей навстречу, нежно поцеловала его.

Деклан спрятал руки за спину, чтобы удержаться от соблазна обнять ее и продолжить ласки. Но даже если он готов был ради нее забыть о деле, рядом стояли дворецкий Хамфри и лакей!

Судя по сочувственной улыбке, Эдвина вполне разделяла его решение. Ее взгляд говорил одновременно о том, что она также переполнена страстью, но при этом высоко ценит его сдержанность. Ненадолго задержав ладонь на его груди, она кивнула и, покинув столовую, взбежала по лестнице на второй этаж.

Деклан стоял на пороге и смотрел ей вслед до тех пор, пока она, пройдя по галерее в сторону их спальни, не скрылась из виду. Тогда он запустил руку в карман и достал оттуда записку, которая, как ему казалось, прожигала ткань его брюк.

Его улыбка померкла, когда он снова перечитал несколько строчек, в которых разглядел больше, чем просьбу как можно скорее явиться в адмиралтейство.

Подняв глаза, он увидел Хамфри, ожидавшего его в прихожей.

– Хамфри, мой плащ и шляпу.

– Сию минуту, сэр.

Одеваясь, Деклан думал о том, что человек, вызвавший его в адмиралтейство, – не тот, кого было бы разумно заставлять ждать. Несколько мгновений спустя, одетый, он спустился по парадной лестнице и быстрым шагом направился к Уайтхоллу.

От Уайтхолла Деклан повернул к старому зданию адмиралтейства. Когда он назвал свое имя дежурному сержанту, тот направил его в адмиралтейский дом, резиденцию первого лорда адмиралтейства, чему Деклан не удивился. Однако он был весьма озадачен, когда его пригласили пройти не вниз, в кабинет какого-нибудь мелкого служащего, а наверх, в кабинет первого лорда адмиралтейства. Война уже давно закончилась, и, насколько Деклану было известно, человек, который его вызвал, уже не был непосредственно вовлечен в дела обороны страны; вполне возможно, у него больше не было личного кабинета, куда он мог бы вызывать своих подчиненных.

Узнав, как представить Деклана, встревоженный секре-

тарь подвел его к двери, украшенной искусной резьбой. Секретарь постучал, заглянул внутрь и что-то пробормотал. Не получив ответа, он чуть громче доложил о приходе Деклана и посторонился, пропуская визитера.

Деклан вошел, понятия не имея, что его ожидает.

Дверь еле слышно закрылась за его спиной, и он обвел глазами помещение. Там его ждали двое джентльменов.

Герцог Волверстоун – человек, который вызвал Деклана, – стоял у окна, глядя на площадь. Он получил титул герцога вскоре после окончания войны. Деклан привык называть его Дальциэлем – это имя он использовал на протяжении многих лет, будучи британским тайным агентом за пределами Англии, в том числе в море.

Как только Деклан вошел, Волверстоун развернулся и шагнул ему навстречу.

Если герцогский титул, женитьба и рождение детей как-то изменили Дальциэля Волверстоуна, то Деклан этого не заметил. Его движения были все такими же грациозными, как у хищного зверя; сила, которую он, казалось, излучал, внушала окружающим все то же благоговейное уважение.

Кроме него в просторной комнате находился еще один человек – виконт Мелвилл, нынешний первый лорд адмиралтейства. Деклан узнал его, хотя раньше они никогда не встречались. Виконт был ширококостным, полноватым джентльменом с круглым румяным лицом, на котором застыло несколько сварливое выражение любителя порядка,

которому приходится постоянно расчищать завалы. Не вставая из-за стола, Мелвилл поспешно сложил в стопку документы, с которыми он только что работал, и сдвинул их в сторону, буквально очистив свой письменный стол.

Деклан не обрадовался, заметив, с каким интересом поглядывает на него Мелвилл. Вообще-то у него сейчас медовый месяц! Даже братья – родные и двоюродные – постарались на ближайшее время освободить его от дел.

Судя по всему, у правительства на его счет были другие планы.

– Фробишер! – Волверстоун протянул ему руку. После рукопожатия он продолжал: – Я... мы... приносим вам свои извинения за то, что побеспокоили вас во время вашего медового месяца. Однако причина, по которой мы отвлекли вас от молодой жены, достаточно серьезна. Настолько серьезна, что мы не могли ждать, пока кто-нибудь еще из вашей семьи доберется до Лондона и сможет взяться за дело. – Волверстоун выпустил руку Деклана и указал ему на один из стульев у стола Мелвилла: – Садитесь, и мы с его светлостью вам все объясним.

Несмотря на то что во время Наполеоновских войн Деклан был еще слишком молод, чтобы командовать кораблем, в последние годы конфликта он плавал под командованием своего отца или одного из своих дядьев и имел возможность, как и его братья, также участники второй стороны их семейного бизнеса, на личном опыте узнать, как действова-

ли неписанные соглашения между правительством и Фробишерами. Его предки не только перевозили различные грузы, они были еще и корсарам. Каперское свидетельство, выданное их компании, не было аннулировано и действовало по-прежнему. В обмен на некоторые, обычно тайные, услуги, которые компания время от времени оказывала правительству, «Фробишеру и сыновьям» всегда доставались выгодные контракты на поставку грузов.

Такой союз между Фробишерами и правительством поддерживался веками. Каким бы ни было поручение, ради которого Волверстоун пригласил Деклана в кабинет Мелвилла, оно непременно будет выполнено.

Впрочем, ответ зависел от Фробишеров; Деклан понял, что в данном случае решать предстояло ему.

Он опустился на один из стульев, Волверстоун сел с ним рядом.

– Мистер Фробишер, благодарю вас за то, что так быстро откликнулись на наш вызов. – Мелвилл и Деклан обменялись вежливыми кивками, затем Мелвилл повернулся к Волверстоуну. – Прежде мне еще не доводилось воспользоваться привилегией короны и просить помощи у вашей семьи. Но Волверстоун уверяет, что в данном случае обращение к вашей семье – наилучший выход для нас. – Карие глаза Мелвилла снова устремились на Деклана. – Поскольку у его светлости опыта в таких делах больше, чем у меня, поручаю ему ввести вас в курс дела.

Деклан с вопросительной миной повернулся к Волверстоуну.

Волверстоун не отвел взгляда.

– Когда известие дошло до меня, я находился в своем нортумберлендском поместье. – Деклан знал, что главная резиденция Волверстоуна находится лишь чуть южнее шотландской границы. – Я немедленно послал письмо в Абердин, – продолжал Волверстоун. – Мне ответил Ройд, он с неохотой сообщил о том, что единственный Фробишер, который сейчас не занят другими делами, – это вы. Он добавил, что одновременно с ответом на мое письмо посылает на юг ваш корабль, «Большой баклан», со всей командой. Он будет ждать вас на пристани компании в Саутгемптоне, когда вы будете готовы к отплытию. – Волверстоун помолчал. – Еще раз прошу прощения у вас и вашей жены за то, что мы прерываем ваш медовый месяц. Не сомневаюсь, что Ройд и сам выполнил бы наше задание, но ваши родители сейчас уехали в Дублин и потому не могут сменить его у штурвала.

Деклан вспомнил, что его мать упоминала о поездке.

– Роберт как раз недавно вышел в Нью-Йорк и не вернется в ближайшие недели. А дело у нас, повторяю, срочное. И никто из других Фробишеров тоже в настоящее время не может оказать нам поддержку. – Губы Волверстоуна скривились в ироничной улыбке. – Зато вы, благодаря вашему медовому месяцу, находитесь прямо у нас под боком, в Лондоне.

Смирясь с неизбежным, Деклан склонил голову.

– Кроме того, Ройд написал: поскольку задание связано с нашими колониями в Западной Африке, лучшего исполнителя, чем вы, нам не найти.

– В Западной Африке?! – Деклан вытаращил глаза от удивления.

Волверстоун кивнул:

– Насколько я понимаю, вы хорошо знакомы со всеми тамошними портами, а в некоторых местах даже заходили вглубь страны?

Деклан выдержал взгляд Волверстоуна. Может быть, Ройд и упоминал о том, что Деклан знаком с этой местностью, но вряд ли он раскрыл ему какие-либо подробности, и Деклан не собирался оказывать Волверстоуну такую честь и одаривать его подобными сведениями.

– Так и есть, – коротко ответил он и, чтобы избежать дальнейших расспросов, добавил: – Ройд прав. Если вы хотите найти там кого-то или что-то, я подхожу вам как нельзя лучше.

На губах Волверстоуна появилась едва заметная улыбка – он был, на взгляд Деклана, слишком проницателен, – и он продолжал:

– В данном случае нам нужно, чтобы вы собрали кое-какие сведения.

– Собрали и доставили нам, – с серьезным видом подхватил Мелвилл, наклоняясь через стол к своим собеседникам.

Во взгляде Волверстоуна, когда он посмотрел на Мелвилл-

ла, едва уловимо читался упрек. Но он быстро отвернулся, снова впился взглядом в лицо Деклана и невозмутимо заговорил:

– Итак, дело в следующем. Как вам, несомненно, известно, наша Западноафриканская эскадра базируется во Фритауне. Кроме того, в тамошнем форте Торнтон у нас довольно большой отряд военных. Они должны оказывать поддержку губернатору, главнокомандующему Британской Западной Африки, чья резиденция там находится.

– Фамилия нынешнего губернатора – Холбрук. – Мелвилл поймал взгляд Деклана. – Вы с ним знакомы?

– Не слишком хорошо. Когда-то встречались, но это было давно.

– Как раз то, что нам нужно, – сказал Волверстоун. – Четыре месяца назад из форта Торнтон пропал военный инженер. Как нам удалось выяснить, капитан Диксон бесследно исчез, испарился – вчера был на месте, а сегодня его нигде нет. Ни один из его сослуживцев, по-видимому, не имеет представления, куда он мог бы деться, и вообще никто, похоже, не знал, что он планировал куда-то отлучиться. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, Диксон был опытным и весьма уважаемым инженером. Он выходец из старинной семьи, связанной с военно-морским флотом. Его знакомые из флотских кругов отправили запрос Мелвиллу, и он поручил одному лейтенанту из Западноафриканской эскадры расследовать исчезновение Диксона. – Волверстоун по-

молчал, по-прежнему глядя на Деклана в упор. – И лейтенант тоже исчез – просто испарился.

– Неслыханное безобразие, – проворчал Мелвилл. – Я знаю Хопкинса – он ни за что не позволил бы себе самовольной отлучки!

– Вот именно, – кивнул Волверстоун. – Учитывая все то, что я слышал о семье Хопкинса, я не могу не согласиться. Впоследствии Мелвилл отправил туда еще одного лейтенанта, Фэншоу, человека, который обладает большим опытом в расследованиях и хорошо знает местность. И он тоже пропал без следа.

– И тогда, – с мрачным видом подхватил Мелвилл, – я попросил помощи у Волверстоуна.

Словно не слыша его, Волверстоун продолжал:

– Я предложил отправить во Фритаун моего подчиненного по фамилии Хиллсайт; предполагалось, что он займет должность атташе при губернаторе. Хиллсайту около тридцати; ему уже доводилось участвовать в тайных операциях. У него большой опыт в подобных делах. Он знал, что ему следует предпринять; приехав на место, он должен был действовать по обстановке. – Волверстоун помолчал, а потом, уже тише, сообщил: – И Хиллсайт тоже исчез. Насколько мы поняли, это произошло примерно через неделю после его прибытия в колонию.

Деклан задумался. Пропал даже один из людей Волверстоуна! О чем это говорит? Он нахмурился.

– А что думает о происходящем губернатор... Холбрук? И командующий фортом Торнтон – кто он, кстати?

– Сейчас фортом командует майор Элдридж. Что касается исчезновения Диксона, он находится в таком же замешательстве, как и мы. Ну а Холбрук... – Волверстоун и Мелвилл переглянулись. – Судя по всему, Холбрук верит... – как бы лучше выразиться? – в местные сплетни – будто бы пропавшие, цитирую, «отправились в джунгли попытать удачу». – Волверстоун снова впился взглядом в Деклана: – Поскольку вы, если я правильно понял намеки в письме Ройда, были в тех самых джунглях, где занимались поисками сокровищ, мне интересно, что вы скажете по поводу версии Холбрука.

Деклан, не отводя взгляда, пытался сообразить, как бы ему лучше ответить. Поскольку был не согласен с мнением губернатора, он подбирал слова с осторожностью.

– Вы совершенно правы, в джунглях я побывал. Ни один здравомыслящий человек просто так туда не пойдет. Там нет настоящих дорог, в лучшем случае – тропы, большинство из которых заросли. Иногда попадаются самые примитивные деревни, но они разбросаны далеко друг от друга. Там труднопроходимая местность, сплошные заросли. Хотя воды там в изобилии, не вся она пригодна для питья. Кроме того, велика вероятность наткнуться на весьма недружелюбных туземцев. – Он помолчал и продолжал: – Короче говоря, любому европейцу, который рискнет выбраться за пределы поселения, нужно собрать небольшую команду, много прови-

зии и необходимого снаряжения. Учитывая все это, вряд ли подобное предприятие может остаться незамеченным.

Мелвилл хмыкнул:

– Вы только что подтвердили то, что все время внушает мне Волверстоун. Что мы – я имею в виду правительство – не можем доверять Холбруку. Значит, мы не можем доверять никому, кто в данный момент занимает командные посты во Фритауне. – Мелвилл поморщился и покосился на Волверстоуна. – Возможно, нельзя доверять в том числе и флотским командирам.

Волверстоун кивнул:

– По-моему, это было бы неразумно.

– Вот почему, – Мелвилл снова посмотрел на Деклана, – нам так срочно понадобилась ваша помощь. Необходимо, чтобы человек, которому мы можем доверять, отправился во Фритаун и выяснил, что же там происходит.

Волверстоун пошевелился, снова привлекая к себе внимание Деклана.

– Стоит особенно заметить, что отчасти наша спешка вызвана кое-какими другими соображениями. – Волверстоун посмотрел Деклану в глаза. – Вы ведь помните дело «Черной кобры» годичной давности, которое закончилось публичным повешением? – Когда Деклан кивнул – кто же не слышал об этой истории? – Волверстоун продолжил: – Культ «Черной кобры», за которым стояли три британских подданных, нанес существенный вред нашим людям в колониях. Тот факт,

что этот культ мог так широко распространиться и так долго существовать, бросил тень на способность короны держать свои колонии под контролем. – Волверстоун сжал губы. – Правительству – короне – не нужен еще один подобный случай, ставящий под сомнение нашу способность управлять империей.

Деклану дальнейшие разъяснения были не нужны. Сейчас он ясно понял, что на Мелвилла оказывают давление люди, стоящие много выше его, требуя выяснить, что именно творится во Фритауне, разобраться во всем и восстановить утраченный порядок.

– Прекрасно. – Он посмотрел на Волверстоуна. – Вы не знаете, когда «Большой баклан» должен прийти в Саутгемптон?

– По словам Ройда, он вышел позавчера.

Деклан кивнул:

– Скорее всего, они вышли из порта вечером и придут не раньше завтрашнего утра, но, учитывая направление ветра, а также приливы и отливы, наверное, позже. Команде потребуется еще день, чтобы полностью загрузить корабль провизией с наших складов. Ближайшие два дня я использую на то, чтобы выяснить в порту все, что только можно, о положении дел во Фритауне. На следующий день я поеду в Саутгемптон. С вечерним отливом мы отправимся в путь.

– Как вы считаете, сколько времени вам понадобится, чтобы добраться до Фритауна? – спросил Мелвилл.

– При попутном ветре «Большой баклан» покроеет это расстояние за две недели.

– Нам с Мелвиллом хотелось бы подчеркнуть еще кое-что, – продолжал Волверстоун. – Считайте, что это приказ, который нельзя нарушать...

Деклан удивленно поднял брови.

– Нам нужно, чтобы, как только что-нибудь разу знаете – хоть какой-нибудь крошечный факт, – вы немедленно вернулись сюда и доложили обо всем нам, – в голосе Волверстоуна зазвенел металл. – Мы не можем позволить себе терять все больше людей, так и не зная, что там происходит. Иными словами, вы должны приехать на место, постараться найти хоть какой-нибудь след – но ни в коем случае, подчеркиваю, ни в коем случае не идти по нему!

– Нам нужно, чтобы вы вернулись и все нам рассказали, – вторил ему Мелвилл.

Деклану не нужно было слишком долго думать, чтобы понять, что количество вопросов к правительству будет расти день ото дня, как и потребность в хоть каких-нибудь разъяснениях.

Волверстоун сухо заметил:

– Я понимаю, как неприятно вам, с вашей склонностью к авантюрам, подчиняться подобным приказам. И все-таки в данном случае это необходимо. Как только вы узнаете хоть что-нибудь – и особенно если впоследствии почувствуете что-то неладное – вы должны немедленно вернуться и при-

везти нам важные сведения. – Немного помолчав, он понизил голос: – Мы и так потеряли нескольких способных людей. Так больше не может продолжаться.

Хотя Деклан раньше никогда не получал приказов лично от Волверстоуна, он достаточно хорошо знал биографию этого человека, чтобы понять, что подобные условия совсем не в его стиле. Обычно он давал своим агентам лишь самые общие указания, а то, как они выполняют его задания, оставлял на их усмотрение. Дальциэль всегда ценил способность действовать по ситуации. И ожидал от этих действий безоговорочного успеха.

Надо сказать, что его агенты добивались успеха довольно часто.

Теперьшняя же не свойственная герцогу осторожность была вызвана, как полагал Деклан, не тем, что его характер с возрастом изменился, а истинной серьезностью положения.

С одной стороны, ему не нравились поставленные ограничения, но, с другой стороны...

– Очень хорошо... – Если ему поручают лишь узнать какие-то факты и найти след, возможно, задание не займет у него больше дня. Вот и хорошо;

тем меньше времени он проведет вдали от Эдвины. Ему следовало бы быть благодарным, а не выражать недовольство. Он посмотрел сначала на Мелвилла, затем на Волверстоуна. – Если у вас все...

– Я написал записку, которая уполномочивает вас полу-

чать любую помощь со стороны нашей Западноафриканской эскадры, – сказал Мелвилл. – Она у моего секретаря; вы можете забрать ее на обратном пути.

Деклан встал; Волверстоун тоже поднялся на ноги.

– Я бы рекомендовал вам, однако, держать ее при себе и использовать только в случае крайней нужды. – Он посмотрел Деклану в глаза. – Будь я на вашем месте, я бы никому не доверял. И не раскрывал бы никому ни подробностей вашего задания, ни еще чего-либо, о чем знать никому не положено.

Прохладная настойчивость в голосе Волверстоуна свидетельствовала о том, что ни Волверстоун, ни Мелвилл не доверяют ни губернатору Холбруку, ни майору Элдриджу, ни вице-адмиралу Деккеру, командующему Западноафриканской эскадрой королевского флота. А если они не доверяли этим людям, значит, они не доверяли там никому вообще.

Что-то прогнило во Фритауне, и это что-то глубоко пустило свои корни.

Деклан и Мелвилл сухо раскланялись.

Волверстоун протянул ему руку, и Деклан пожал ее.

– Мы рассчитываем снова увидеть вас здесь примерно через месяц. – Волверстоун на мгновение замолчал, а затем, выпустив руку Деклана, пробормотал: – А если вы не вернетесь через шесть недель, я пошлю за вами Ройда.

Услышав подобную угрозу, Деклан ухмыльнулся. Нашли чем испугать! Пусть они со старшим братом часто спорят, попав в беду, он ничьей поддержке не будет так рад, как под-

держке Ройда.

– Постараюсь вернуться как можно скорее!

Махнув рукой на прощание, Деклан направился к двери, по дороге размышляя о том, какие ему нужно сделать приготовления, а главное – о том, как сообщить новость своей жене.

Глава 3

Зная, что Эдвина уже ушла по своим утренним делам, Деклан отправился в контору компании «Фробишер и сыновья», которая находилась в конце Бер-стрит, между доками Святой Екатерины и Лондонскими доками. Там он навел некоторые справки, поручив нескольким отставным матросам, которые раньше служили в компании, пройтись по тавернам и постоялым дворам, рассыпанным по всей округе. В том, что они могут услышать что-нибудь, напрямую относящееся к его заданию, он сомневался, но если речь шла о чем-то широкомасштабном, затронувшем даже Англию, он предпочел бы узнать об этом прежде, чем покидать родные берега.

Остаток дня он провел, стараясь выяснить все, что можно, о нынешнем состоянии торговли и промышленности в западноафриканских колониях. Справки он наводил как в собственной канцелярии, так и у служащих других судоходных компаний.

В глубине души он был настоящим искателем приключений. Раз он все равно отправляется в Западную Африку, не вредно будет изучить тамошнюю обстановку.

На Стэнхоуп-стрит Деклан вернулся только ближе к вечеру. Укрывшись в малой библиотеке, он ждал прихода Эдвины. Он расхаживал перед камином и обдумывал, как лучше

объяснить и оправдать свой внезапный отъезд.

Услышав тяжелые шаги Хамфри в холле, а затем голос Эдвины, которая здоровалась с дворецким, он глубоко вздохнул и открыл дверь библиотеки.

Эдвина увидела его и остановилась.

Выйдя к ней навстречу, Деклан взял ее за руку.

– Если у тебя найдется несколько минут, дорогая, я бы хотел с тобой поговорить. Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Не убирая руки, она заглянула ему в глаза. Что бы она там ни увидела, поняла, что дело серьезное.

– Да, конечно.

Она отдала свою шляпку Хамфри и позволила Деклану увести себя в библиотеку.

Он подвел ее к камину и, не в силах противостоять соблазну, притянул к себе и склонил голову для поцелуя. Она потянулась к нему навстречу со свойственной ей страстностью. Ее губы вкусом напоминали медовое печенье...

Не позволяя себе полностью забыть о своем намерении, он прервал ласки, выпустил ее и указал на диванчик у камина.

Эдвина посмотрела ему в лицо, затем, шурша шелковыми юбками, села на предложенное ей место. Деклан остался стоять у камина, инстинктивно принимая позу капитана, который обращается к своей команде. Он понимал это, но такая поза придавала ему уверенности: он знал, что выполнит стоявшую перед ним задачу, а потому отогнал мысль о

неуместности своей позы.

Эдвина устремила взгляд ему в лицо:

– Не томи меня. Что случилось?

Деклан успел заранее подумать о том, как получше сообщить свои новости, и в конце концов пришел к выводу, что в этом случае больше всего ему подойдет краткость.

– Меня попросили ненадолго отправиться в столицу нашей Западной Африки. Плавание не займет много времени – меня не будет всего лишь несколько недель. Однако поездка по делу, и выходить нужно немедленно. Никто из моих братьев или кузенов сейчас поехать не сможет. Они все сейчас в море и не успеют вовремя вернуться. Ну а Ройд не может поехать из-за других обязанностей.

Эдвина несколько секунд молча смотрела на него, а затем, удивительно спокойно и рассудительно, спросила:

– Поездка будет опасной?

– Совсем не опасной... а если и опасной, то совсем чуть-чуть. – Учитывая данное ему распоряжение возвращаться сразу же, как он хоть что-нибудь узнает, Деклан не считал, что столкнется во Фритауне с какой-либо реальной опасностью. К тому же не хотелось волновать Эдвину. Он выдавил из себя ободряющую улыбку. – Не успеешь ты и глазом моргнуть, как я вернусь домой целый и невредимый.

– А что с погодой в пути? Спокойно ли море в это время года?

– В общем и целом да. Я не думаю, что мы можем попасть

в шторм.

Эдвина снова ненадолго задумалась. Потом посмотрела ему прямо в глаза и заявила:

– В таком случае я бы хотела поехать с тобой.

У него перехватило дух, и на секунду Деклан потерял способность соображать. Он смотрел на жену с совершенно ошеломленным видом. Ее слова выбили его из колеи.

Словно не замечая выражения его лица, она беззаботно продолжала:

– Поскольку в Лондоне мы уже добились цели и все остальное здесь идет как по маслу, мне можно ненадолго покинуть столицу... – Ее взгляд потеплел, она радостно заулыбалась. – Кроме того, мне так хочется отправиться в плавание – чтобы посмотреть с тобой мир.

Наконец Деклану удалось овладеть собой и произнести членораздельное слово:

– Нет.

Эдвина моргнула, затем ее небесно-голубые глаза словно заволокло тучами, и она сдвинула брови.

– Почему? Есть какая-то причина, о которой ты мне не сказал и из-за которой мне нельзя с тобой плыть?

Он открыл было рот, собираясь ответить «да», но вовремя опомнился. Он не имел права ничего ей говорить! Она вращалась в одних кругах с Холбруками, Деккерами и Элдриджами; одно неосторожно оброненное слово, и она могла бы нечаянно подвергнуть его и его команду опасности –

опасности, которая иначе им бы не грозила. Он не мог рассказать ей о полученном задании и ни в коем случае не мог взять ее с собой. Боже всемогущий! Только сейчас Деклан понял, как она ему дорога, как важны для него мысли об их будущей жизни, об их будущем счастье. Неужели она в самом деле хочет сопровождать его в одну из самых опасных колоний во всей империи?!

– Н-нет... или, скорее, да. – Деклан усилием воли удержался от того, чтобы не взъерошить себе волосы. – Существует много причин, по которым я не могу взять тебя с собой, – произнес он непререкаемым тоном. – Прости, но я не могу тебе все объяснить. Сейчас тебе нельзя со мной. – Скорее всего, ей нельзя будет сопровождать его и в других поездках; он редко путешествовал не по делам, а его дела почти всегда были связаны с определенным риском.

Более того, плавание в открытом море редко обходилось без риска. Корабли часто терпят бедствие. Он, возможно, и переживет кораблекрушение. Но его жена такая миниатюрная и хрупкая... вряд ли она вынесет тяготы морского путешествия.

У Эдвины упало сердце. Она внушала себе: эта помеха так или иначе возникла бы у них на пути. Она ведь решила, что намерена сама направлять корабль их семейной жизни. И вот перед ней первые рифы... Все равно когда-нибудь им предстояло поспорить на эту тему... Рано или поздно ей придется убедить его взять ее с собой в плавание.

Конечно, она не ожидала, что такое препятствие возникнет почти сразу после свадьбы. Положив руки на колени, она снова посмотрела мужу в лицо.

– Деклан, я прекрасно помню, что об этом мы с тобой еще не говорили, но, принимая твое предложение, я знала, что ты как минимум полгода проводишь в плавании. Я вышла за тебя, рассчитывая на то, что, вне зависимости от того, сколько месяцев ты проводишь в открытом море, я смогу почти всегда находиться рядом с тобой, на палубе твоего корабля.

Эдвине показалось, что его глаза расширились от удивления; похоже, ее откровение стало для него сюрпризом. Но неужели он думал, что она – из тех женщин, которые остаются в безопасности у домашнего очага, забыв о том, каким опасностям могут подвергаться их мужья на другой стороне света?

Она чуть не фыркнула от возмущения.

Глядя ему в лицо, она еще больше нахмурилась.

– Странно, что тебя так удивляет мое желание быть частью твоей жизни – всей твоей жизни, а не только ее сухопутной половины. – Она наклонилась вперед, и ее глаза, все ее лицо приняли умоляющее выражение. – Пожалуйста, Деклан! Я так хочу сесть на твой корабль и отправиться с тобой в плавание!

Какое-то время Деклан просто смотрел на нее, затем глубоко вздохнул, набирая в грудь побольше воздуха. Какое-то мгновение она надеялась... Но затем он сжал челюсти, она

увидела, как напряглись его лицевые мускулы.

– Не скрою, я не в восторге от твоей страсти к путешествиям. Если хочешь, я возьму тебя на «Большой баклан», когда вернусь. Может быть, мы поплывем в Амстердам, оттуда вниз, вдоль побережья Франции и Испании, а оттуда – в Средиземное море.

Эдвина некоторое время размышляла над его предложением, радуясь, что он хочет хотя бы так пойти ей навстречу. Вскоре она тоже решительно сжала челюсти.

– Мне бы очень понравилось такое путешествие, но оно мало согласуется с тем, что меня волнует – с тем, что я хочу и на что рассчитываю. А я рассчитываю разделить с тобой жизнь, а не только какую-то ее часть.

Деклан выдержал ее взгляд; ее глаза казались еще более голубыми, но менее живыми – менее открытыми, они словно отражали его собственные эмоции.

– Нельзя. В эту поездку я не могу взять тебя.

Эдвина прищурилась:

– Значит, мне позволено разделить с тобой лишь кусочек твоей жизни – ту ее часть, которая, как тебе кажется, для этого подходит, – но из твоих деловых предприятий ты меня исключаешь, твои приключения будут только твоими, личными.

Она замолчала, чтобы дать ему возможность ответить, но, хотя у него защипало в носу, когда он снова глубоко вдохнул, он не воспользовался этим невысказанным предложением.

нием поправить ее.

Истолковав его молчание как дурной знак, Эдвина спокойно продолжила:

– Повторяю, я не ожидала в нашей семейной жизни подобных ограничений. Я думала, она будет по-настоящему совместным предприятием, основанным на взаимной поддержке. Насколько я помню, твоя мать всегда плавала вместе с твоим отцом. Как ты мог подумать, что я с радостью останусь дома?

Его губы превратились в тонкую ниточку.

– Моя мать – дело другое!

– Это еще почему? – Эдвина удивленно изогнула брови.

– Она... – Деклан осекся. Он продолжал смотреть жене в глаза и уже, очевидно, сердился. – Моя мать – не ты, – сухо и отрывисто продолжал он. – За нее несет ответственность мой отец, а за тебя – я.

Эдвина энергично кивнула:

– Вот именно! Ответственность за наш брак – настолько же в твоих, насколько и в моих руках. Более того, со всей ответственностью заявляю: я откажусь отправиться с тобой в поездку, только если на это будут достаточно веские основания! Я не готова к тому, что наша совместная жизнь будет разграничена таким образом.

Эдвина закончила свою речь на воинственной ноте. Она знала, чего хочет, знала, что ей нужно, и не сомневалась: каким бы упрямым Деклан ни был, она способна ему помочь.

Самое главное – поддерживать друг друга, не действовать в одиночку. Никому из них больше не придется без помощи сталкиваться с жизнью, ее испытаниями, угрозами и опасностями.

Значит, они должны разделять радости и печали друг друга.

Он может спорить сколько душе угодно, но она не отступит от своего.

Деклан посмотрел на нее и прочитал на ее лице непоколебимую уверенность. С удивлением он понял, что ступил на тонкий лед.

Ему бы очень хотелось, чтобы все было по-другому. Жаль, что он раньше не узнал о том, каковы ее представления об их семейной жизни. Тогда бы он заранее решил, какую тактику избрать, чтобы избежать подобного конфликта. Ему бы очень хотелось убедиться в том, что ее желание сопровождать его было минутной прихотью, капризом, что оно не может быть серьезным, что ее утверждения о ее цели и намерениях не подкреплены искренней убежденностью... Нет, Эдвина вовсе не была капризной особой. И, хотя он, очевидно, упустил из виду ее представления о том, какой должна быть их совместная жизнь, нисколько не сомневался в ее честности, особенно в том, что касалось чувств, которые их связывали.

Вот почему ухаживать за ней оказалось так невероятно легко. Эдвина была влюблена в него точно так же, как и он в

нее; она и не думала играть с ним и скрывать свои подлинные чувства.

И если раньше ее эмоциональная открытость – ее искренность – воспринималась им как благословение, то сейчас она очень осложняла ему задачу.

Сердце у Деклана сжалось. Снова глубоко вздохнув, он посмотрел Эдвине в глаза и тихо и ровно сказал:

– Милая, мне очень жаль, что сейчас я не смогу взять тебя с собой. Будь это в моей власти и захоти ты, я положил бы солнце, луну и звезды к твоим ногам. Но в эту поездку я взять тебя с собой не могу, хотя она и не сопряжена с опасностью.

Он помолчал, а затем, решив, что, как говорится, семь бед – один ответ, продолжал:

– Такие поездки, как сейчас, будут всегда. Что касается других поездок... Возможно, когда я вернусь, мы с тобой о чем-нибудь договоримся. Ну а сейчас мое решение остается в силе. Я – капитан «Большого баклана», и только мне решать, кто поднимется на борт моего корабля. Я не могу и не хочу брать тебя с собой.

Деклан ожидал, что Эдвина вспыхнет гневом, хотя, честно говоря, он еще ни разу не видел, чтобы она выходила из себя. Он видел ее раздраженной, возмущенной, но никогда не наблюдал у нее вспышек ярости. Но сейчас Деклан понял, что предмет их обсуждения имеет для нее огромное значение. Он знал, что Эдвина упряма, она готова бороться за то, во

что верит, и инстинктивно подготовился встретить ее гнев.

Но ничего не произошло.

Вместо того чтобы кричать, она лишь, прищурившись, пытливо смотрела на него своими голубыми глазами, блеск которых из-под длинных ресниц. Постепенно ее лицо приобрело задумчивое выражение.

Спустя несколько мгновений напряженного молчания – Деклан, со своей стороны, ожидал от нее осуждающей речи на повышенных тонах – Эдвина спросила относительно спокойным голосом:

– Все дело в том, что ты боишься за меня – несмотря на то, что уверяешь, будто путешествие совершенно не опасно?

Он поморщился:

– Фритаун, столица Сьерра-Леоне, – не Бомбей, не Калькутта и даже не Кейптаун. Это примитивный во всех отношениях город, и там точно не лучшее место для дочери герцога.

– Так вот куда ты едешь?! Понимаю. Значит, твое решение вызвано желанием защитить меня?

– Да. – «Вот именно!» Последние слова он не произнес вслух, но был уверен, что она уловила замешательство в его взгляде. Почему бы еще он отказался брать ее с собой?

Эдвина смотрела на него еще какое-то время, а затем, к его крайнему удивлению, коротко кивнула, больше себе, чем ему, и встала.

– Что ж, хорошо. Такое объяснение я могу принять.

Внезапно он почувствовал странную неуверенность, словно вдруг поднялся ветер и начал постепенно сбивать его с курса. Он попытался по лицу Эдвины угадать, о чем она думает, но она смотрела вниз и оправляла юбки.

– Погоди... значит, если я хочу защитить тебя, то ты согласишься с любым моим решением?

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза и улыбнулась – нежно, умиротворяюще.

Подойдя ближе, Эдвина привстала на цыпочки и легко прикоснулась губами к его губам. Отклонившись назад и положив руку ему на грудь, она подтвердила:

– Да, я согласна с тем, что ты имеешь право принимать подобные решения, желая защитить меня.

Вновь опустившись на пятки, она какое-то время смотрела ему в глаза, затем ее улыбка стала еще шире.

– А сейчас, – она повернулась и пошла к двери, – как и решили утром, мы поужинаем здесь, только вдвоем, а потом проведем тихий вечер в гостиной.

Деклан послушно шел за ней, как будто она тянула его за собой на невидимой веревке.

Уже на пороге Эдвина снова повернулась к нему и, улыбаясь, изогнула брови.

– Или, может быть, предпочитаешь посетить очередной званый ужин?

– Нет, нет! – Его даже передернуло. Обогнав ее, он открыл перед ней дверь. – Я очень рад, когда мне ни с кем не при-

ходится тебя делить!

Не сразу он сообразил, что именно сказал... Эдвина наградил его лучезарной улыбкой и вышла из комнаты.

Чувствуя себя так, словно пушечное ядро пролетело совсем рядом с мачтой его корабля и не совсем понимая, как ему удалось избежать худшего, Деклан шагал за женой по пятам. Они преодолели препятствие; каким-то образом в их семье восстановились мир и гармония. Он внушал себе, что за такое нужно благодарить судьбу.

На следующий день после того, как Эдвина и Деклан чуть не поссорились, Эдвина стояла у стены в бальной зале в доме леди Камерфорд и притворялась, что внимательно слушает джентльменов, которые ее окружали. Конечно, здесь были не одни джентльмены; среди них попадались и дамы. И все же, к неудовольствию Эдвины, по какой-то возмутительной причине, большая группа джентльменов, казалось, боролась лишь за ее внимание.

И хотя она слышала восхищенные отзывы своих сверстниц о некоторых из них – надо признать, кое-кто из окружавших ее кавалеров отличался обаянием, – ей совершенно не хотелось тратить свое внимание даже на таких интересных субъектов.

Деклан предупредил ее, что ему придется уехать из Лондона; он попросил у нее разрешения не присутствовать на этом балу, поскольку ему нужно было сделать кое-какие по-

следние приготовления. До этого они уже появились вместе на достаточном количестве светских мероприятий, поэтому она ответила на его просьбу очаровательной улыбкой. И скрыла от него затаившийся в ней страх; ей еще предстояло придумать, как лучше ответить на его решение оставить ее в безопасности в Лондоне.

Эдвина прекрасно понимала, почему он захотел так поступить, но столь же твердо знала, что когда-нибудь она настоит на том, чтобы он брал ее с собой. Учитывая все обстоятельства, трудно было придумать, почему бы не начать в этот раз. Если она сейчас уступит его страху за нее, пусть он и уверял, что поездка совершенно безопасна, дальше будет только хуже. Переубедить его придется дольше.

Им обоим будет труднее.

Поскольку Эдвина все равно была более чем уверена, что рано или поздно одержит верх и станет сопровождать Деклана во всех путешествиях, оставлять его нынешнее решение в силе казалось ей совершенно неразумным.

Эдвина старательно изображала веселость и пыталась отвечать на все пустые реплики и замечания, с которыми к ней обращались. При этом она довольно искусно скрывала, что думает совершенно о другом. Эдвина перебирала различные идеи, которые появились у нее в голове за последние двадцать четыре часа. Она не принадлежала к числу тех женщин, которые без конца перечат, спорят и кричат; с годами она поняла, что лучший способ преодолевать препятствия –

просто не обращать на них внимания и поступать так, как ей представлялось правильным. И все-таки данная ситуация оказалась достаточно сложной. Она затрагивала не только ее интересы, но и интересы Деклана; к тому же от того, как она распорядится сейчас, по-видимому, зависит их семейная жизнь в дальнейшем.

Эдвине очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться, но здесь было очень мало женщин, к которым она могла обратиться, и еще меньше тех, в ком она предполагала наличие достаточного жизненного опыта, чтобы те могли выслушать и понять ее. В высшем обществе не так много дам, чьих мужей можно назвать авантюристами. Пожалуй, ближе всего такому описанию соответствовал ее брат Джулиан. При всем к нему уважении, именно Миранда позаботилась о том, чтобы их брак состоялся; если бы она решительно не выступила против его попыток командовать в семейной жизни, их отношения, скорее всего, вообще не сложились бы.

Живая натура, наблюдательность и пытливый ум подталкивали Эдвину к действиям. И чем больше она убеждала себя, что совместное путешествие поможет им с Декланом жить счастливо, тем сильнее становилось стремление каким-то образом настоять на своем – ради них обоих.

Эдвина пришла к четкому, недвусмысленному выводу. Все, что ей нужно, – убедиться в своей правоте.

Она все еще размышляла и боролась с собой, одновременно искусно отражая попытки ухаживаний, когда ее внимание

привлекла чья-то голова с каштановыми, отливающими золотом волосами, показавшаяся в бальной зале. Она еще не могла разглядеть лицо, но этот цвет волос, эта легкомысленная небрежность прически...

Мгновения спустя толпа немного расступилась, и она увидела, как Деклан продвигается прямо к ней. Ее пульс ускорился; она больше никого вокруг не замечала. Для нее на всем свете существовал только он.

Кажется, Деклан чувствовал то же самое; хотя некоторые дамы и пытались перехватить его и хотя он отвечал им с предельной вежливостью, его взгляд был направлен только на нее.

И вот он уже рядом; взяв руку жены, он поднес ее к губам, неотрывно глядя ей в глаза.

– Милая, прости меня за опоздание. Дела отняли больше времени, чем я рассчитывал.

Деклан поднял взгляд и осмотрел группу не в меру предупредительных джентльменов, толпившихся вокруг его жены.

Он одарил прохладной улыбкой этих непрошенных обожателей, которые имели безрассудство добиваться внимания его жены. Ему никто из них не понравился. В голове возникла тревожная мысль о том, что во время его поездок по государственным делам с ней рядом не будет никого, кто мог бы оградить ее от этой своры.

– Милая, представь меня своим... знакомым. – Он едва удержался, чтобы не назвать их «поклонниками».

Часть знакомых немедленно удалилась.

Когда Эдвина быстро представила ему оставшихся, Деклану удалось не стиснуть зубы и даже отвечать с приличествующей случаю вежливостью.

Сегодня он впервые не сопровождал ее в свете и собирался отсутствовать две недели, а возможно, и дольше...

Деклан подавил растущее желание зарычать – в конце концов, бальная зала не самое подходящее для этого место.

Едва они закончили знакомиться, маленький оркестр заиграл вступление, и звуки вальса заглушили светские разговоры. Деклан повел Эдвину в первой паре. Взяв ее за руку, он улыбнулся, глядя ей в глаза. Он заметил, как расширились у нее зрачки.

– Очень надеюсь, что ты сохранила первый вальс для меня.

Эдвина несколько раз моргнула, затем, несколько озабоченно, ответила:

– Да, то есть... пожалуй, попробую потанцевать несколько тактов.

Он наградил ее озадаченным взглядом, но ссориться не захотел. В конце концов, она приняла его приглашение и позволила увести себя от собравшихся вокруг нее джентльменов.

Деклан улыбнулся, стараясь не слишком выдавать радость; супруги извинились, и он повел ее на середину зала.

Развернув к себе и обняв за талию, он спросил:

– Что все это означает?

Эдвина вздохнула:

– Я притворилась, будто подвернула ногу – так мне удалось избежать их приглашений на вальс.

– Умница... – Радость, постепенно разрастаясь, переполняла его. Он широко улыбнулся.

Она состроила гримаску:

– По-моему, стоит напомнить: ты только что поощрил мою ложь!

Он удивленно поднял брови, подумал, а затем ответил:

– Мне кажется, почти все поняли, что ты говоришь неправду.

Она хмыкнула и, кружась в танце, признала:

– Скорее всего.

Больше они не говорили о ее почитателях. Деклан принялся развлекать жену и старался, далеко не так ненавязчиво, занять все ее время. Он заметил, как ее мать, ее сестры и некоторые пожилые дамы обсуждают их, но будь он проклят, если не оставит хоть кого-то, хоть одну леди или одного джентльмена, в уверенности, что Эдвина принадлежит ему, и так все будет и впредь!

Чуть позже он вырвал страницу из дамского альбома семейства Делбрейт; он решил отпугивать потенциальных поклонников, демонстрируя, как они с Эдвиной счастливы, насколько поглощены друг другом. Поэтому он поступал так, как никогда раньше, и в открытую демонстрировал свои чув-

ства, поощряя Эдвину поступать точно так же.

В результате они провели в обществе самый веселый вечер с самой их свадьбы. Деклан обращал внимание только на Эдвину, а она – только на него; остальные гости составляли всего лишь яркий фон для их игры.

Постепенно его ревность утихла, смягченная ее смехом, улыбкой и полным любви взглядом. Днем ему удалось выкроить немного времени; он встретился с Кейтервейлом и Элсбери и предупредил их о своем предстоящем отъезде. Оба шурина Эдвины с готовностью согласились оберегать ее от любых посягательств. Конечно, им и упоминать не пришлось о том, что они могут положиться на ее сестер, которые, в случае чего, смогут предупредить их о необходимости действовать.

Заранее предвидя недостатки такого плана, Деклан взял экипаж, поехал на Долфин-сквер, где жил брат Эдвины, и поговорил с ним. Пусть Джулиан и его жена не так часто появлялись в свете, но Невилл Роско повсюду имел глаза и уши. Выразив удивление по поводу того, что Эдвина согласилась остаться в Лондоне, Джулиан пообещал присматривать за ней, пока Деклан будет в море.

Деклан принял все возможные меры предосторожности. Кроме того, он убеждал себя, что Эдвина – совсем не дурочка, способная пуститься во все тяжкие. Когда они наконец очутились в своей карете, которая везла их на Стэнхоуп-стрит, Деклан, впервые с того момента, как узнал о сво-

ем новом задании, почувствовал себя спокойно. Теперь он не сомневался: даже если его не будет рядом, с ней все будет в порядке. К тому же ему удалось преодолеть кое-какие подводные камни в их семейной жизни, возникшие из-за его внезапного отъезда.

Сейчас, когда Эдвина сидела, вложив свою маленькую ручку в его ладонь и прислонившись к его предплечью, он был совершенно спокоен.

Когда карета завернула за угол, Эдвина заглянула ему в лицо.

– Тебе уже известно, в котором часу ты завтра выйдешь из дому?

Говорила она спокойно, а вопрос казался простым и невинным.

– Как только получу все нужные мне сведения. Скорее всего, я уеду после полудня. В любом случае мне нужно выехать не позже двух или трех часов дня, чтобы добраться до Саутгемптона до вечернего отлива.

– Значит, вы отплываете с вечерним отливом?

Он кивнул.

– Если мы не успеем к отливу, нам придется ждать еще сутки, а времени терять нельзя.

– Понимаю... – Они немного помолчали, затем Эдвина сказала: – Один раз я была на яхте в проливе Солент и видела, как мимо проплывают большие корабли. Наверное, такой корабль, как у тебя, выходит в пролив и ждет, пока люди

переправляются туда в шлюпках?

– Если бы мы так не спешили, это было бы возможно. Но нам нужно поймать отлив, чтобы выйти из самого Солента, а как только мы окажемся в проливе, пути назад уже не будет – до тех пор, пока снова не начнется прилив.

Эдвина молчала, словно переваривая услышанное, затем теснее прижалась к мужу, положив голову ему на плечо и нежно сжав его ладонь.

– Расскажи мне о своем корабле. У «Фробишера и сыновей» в Саутгемптоне есть собственный причал? Кажется, у вас есть такой и в Лондоне, да?

Деклан тоже слегка сжал ее руку.

– У нас две пристани в Лондоне – в доках Святой Екатерины и в Лондонских доках. Наша контора располагается почти посередине между ними. Но в Саутгемптоне все наши корабли пристают в одном определенном месте на главной пристани.

– А как выглядит сам «Большой баклан»? Можешь его описать?

Деклан принялся описывать свой корабль. Пока они ехали по ночным улицам, он рисовал ей картину, вызывая в памяти далекие воспоминания. Он говорил страстно, окрыленный радостью, которая обуревала его всякий раз, когда его корабль скользил по волнам, когда он слышал скрип канатов, парусов и мачт у себя над головой, удары волн о корму корабля, когда палуба покачивалась под ногами. Он раскрыл

свое сердце и откровенно делился с ней.

Когда карета остановилась у их дома, он помог Эдвине сойти и подвел ее к ступеням входной двери. Деклан осознал, что хочет, чтобы этот вечер – последний вечер, который они проведут вместе перед его долгим отъездом, – прошел идеально. Чтобы ни одно разногласие, ни одна фальшивая нота не испортили ту радость, которую они вновь обнаружили в общении друг с другом.

Ему показалось, что у нее те же планы. Они поднялись в спальню, закрыли за собой дверь и повернулись друг к другу.

К его удивлению, сегодня Эдвина вела в их игре; она так хотела. Деклан с готовностью уступил ей главную роль. Вначале ее решимость слегка озадачивала его, но потом он объяснил ее поведение желанием, чтобы он как следует запомнил эту ночь.

Ее маленькие руки были повсюду, она гладила его, ласкала, шлепала, царапала, когда он, охваченный жаром, приник к ее губам. Постепенно Эдвина заводилась все больше; она ласкала Деклана губами и языком. Она разбудила в нем безумное желание, которое накрыло его с головой.

Затем она взяла в рот его мужское естество, умело ласкала языком, поглаживая и глубоко втягивая в себя. Деклану показалось, что он вот-вот лишится сознания.

Ее голубые глаза затуманились; она ласкала его смело и с наслаждением. Он еще ни разу не видел, чтобы она была такой уверенной и смелой в любовной игре. Один ее вид вы-

зывал в нем сладостную дрожь желанья и счастья обладания ею.

В том, что она принадлежала ему, не было никаких сомнений – особенно в такие моменты, когда они, обнаженные, тесно сплетались в постели. Но сегодня Эдвина зашла еще дальше. Сегодня она полностью посвятила себя тому, чтобы доставить ему удовольствие, настолько глубоко и безоговорочно отдавалась ему, что у него закружилась голова.

Какое счастье, что он нашел Эдвину, что она приняла его предложение и согласилась принадлежать ему!

Когда она наконец села на него верхом и приняла в себя его плоть, Деклану показалось, что по его жилам вместо крови течет признательность, глубокая благодарность.

Слившись воедино, они словно отправились в совместное путешествие. Они как будто поднимались по крутой, извилистой тропе. Вверх, вверх – к вершинам желанья, прямо в раскаленную лаву страсти.

Они были словно охвачены пламенем, тяжело дыша и прижимаясь друг к другу. Став одним целым, они устремились прямо в сердцевину сильнейшего пожара, который испепелил их ощущения и стремительно вознес на вершины блаженства.

Взлетев на седьмое небо, они погрузились в блаженное забытие.

Тесно прижавшись друг к другу, с сердцами, бьющимися в такт, они снова вернулись к действительности, к земной

радости нагих объятий, к смятым простыням и своему учащенному дыханию, к ночным теням.

Лежа на нем, Эдвина достигла пика наслаждения. Обессиленная, она скатилась на постель рядом с ним. Деклан притянул ее ближе и прижал к себе. Затем нащупал простыню и укрыл их остывающие тела.

Деклана захватило чувство абсолютного удовлетворения.

Несмотря на его скорый отъезд, у них все хорошо. Он сознавал, что ему невероятно повезло. И если Эдвина надеялась привязать его к себе с помощью своей необузданной страстности, то она преуспела так, как ей не могло привидеться в ее самых смелых снах. Ради этого, ради нее, он с радостью пройдет огонь и воду. Ни море, ни шторм и никакая опасность на Земле не удержат его от того, чтобы вернуться к ней!

Прижавшись к горячему телу мужа, Эдвина, к собственному удивлению, вдруг поняла, что может совершенно ясно мыслить и что у нее в голове уже сложилось готовое решение – окончательное и бесповоротное. События этого вечера лишь подтвердили ценность того, что уже было между ними, что они уже разделяли. Вопреки тому, что она решила полностью забыть в их любви, ею двигали не мысли о каких-то новых озарениях или исследованиях; напротив, ее действия были повторением – повторением чего-то, что уже было у нее внутри, инстинктивным и могущественным ответом на их нынешнее положение.

На их насущные потребности.

Она собрала воедино все, чтобы защитить дарованное им счастье, чтобы продвинуться дальше и сделать их семейную жизнь такой, какую она хотела. Их брак должен поддерживать и его, и ее.

Эдвина отчетливо поняла, как должна поступить – все необходимые элементы определились у нее в голове. Благодаря прошедшему дню у нее сложилось примерное представление о том важнейшем шаге, который ей придется совершить.

Завтра она начнет действовать. Завтра она сделает первый шаг на пути к той семейной жизни, в которой они оба нуждались.

Несмотря на другие открытия сегодняшнего дня, она чувствовала полную уверенность. Она не собирается сдаваться! Она ни за что не откажется от своей мечты.

Глава 4

На следующее утро Деклан не начинал завтракать и сидел за столом в ожидании, пока в столовую не впорхнула Эдвина.

Они понимающе улыбнулись друг другу, а потом Эдвина повернулась к буфету. Деклан ждал, не прикасаясь к своему кофе, пока она наполняла тарелку, любуясь ее стройной фигурой в утреннем бело-голубом батистовом платье. Ее светло-золотистые волосы были собраны на затылке, а лицо обрамляли завитые щипцами локоны.

Потом она подошла к столу, и Деклан, поднявшись, выдвинул ей стул. Когда она села, он снова занял свое место во главе стола.

Ее взгляд остановился на стопке писем и записок у его тарелки.

– Ты получил те новости, которых ждал?

– Да. – Деклан легко коснулся пальцем одного из писем. – Большая часть сообщений, которых я ждал, уже дошла. Чтобы получить недостающие сведения, мне нужно пойти в контору, но кроме этого... – Он встретился с ней взглядом. – Похоже, мне придется уехать сразу после обеда.

С полминуты она беспомощно смотрела на него, а потом поморщилась:

– Проклятие! – Она тут же бросила на него виноватый взгляд. – Меня пригласили на обед, сразу после него состоит-

ся важный прием... боюсь, мне не удастся отпроситься... – На ее лице появилось раздосадованное выражение. – Мне так жаль! Очень хотелось проводить тебя, попрощаться с тобой, но... – Она махнула рукой, затем пожала плечами и принялась сосредоточенно намазывать тост джемом. – Ты сам говорил, поездка у тебя срочная... Значит, ты должен уехать, вот и все. Я ведь даже не знаю, когда вернусь – прием проходит на окраине Лондона, в Эссексе.

Эссекс находился в противоположной стороне от дороги на Саутгемптон. Значит, по пути он не сможет заехать туда, чтобы попрощаться с женой...

– Выходит, сейчас мы видимся в последний раз перед моим отъездом?

Эдвина кивнула:

– К сожалению, да. Утром меня пригласили к одним знакомым – у них приемный день – а оттуда мы с сестрами сразу поедem на обед.

Деклан внушал себе, что разочарование, словно придавившее его своим грузом, совершенно необоснованно. В том положении, какое он ей навязал, Эдвина вела себя в соответствии с правилами, принятыми в ее кругу; она не упрекала его, не раздражалась слезами и не устраивала ему сцен. Ему стоит быть благодарным за такое отношение.

У него нет никаких причин чувствовать себя так, словно ему чего-то не хватает.

Он изо всех сил попытался подавить в себе чувство недо-

влетворения, но оно упорно не покидало его.

Деклан растягивал свой кофе до тех пор, пока Эдвина не съела тост и не выпила чай. Потом он встал, сунул письма себе в карман и отодвинул ее стул. Они вместе вышли в переднюю.

– Ну что ж... – Повернувшись к мужу, Эдвина улыбнулась широкой, но какой-то поверхностной, вымученной улыбкой. – Кажется, нам пора прощаться. – Взяв его за руку, она привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. – Адье, милый! Буду ждать тебя дома.

Не дожидаясь ответа, она быстро отвернулась и взбежала вверх по парадной лестнице.

Деклан недоверчиво смотрел ей вслед... Как, неужели это все? Они расстаются надолго, а она даже не поцеловала его как следует?

Он смотрел, как Эдвина идет по галерее. Потом он велел себе встряхнуться и собраться с мыслями. А чего он ожидал? Он оставляет ее здесь, в Лондоне, а сам отправляется в путешествие! Откровенно говоря, его манило неизведанное, манила возможность опасностей, приключений.

Но и Эдвина любила приключения.

«Да, верно... Но она – женщина... – подумал Деклан, и тут же перед его глазами возник образ кузины Катрины, которую все называли Кит. Она управляла собственным кораблем в их семейной флотилии. Пришлось поправить себя: – Она леди. Благородная дама».

Кроме того, Эдвина была его женой и значила для него теперь так много, что он даже и помыслить не мог о том, чтобы подвергать ее риску – хотя бы даже самой маленькой опасности.

Он должен отправляться в плавание, проводить расследование, а она останется здесь, в безопасности.

Вот и все.

Карман оттягивали письма; еще немного подумав, Деклан жестом приказал Хамфри подать ему плащ.

Минуту спустя он вышел из дому и отправился в контору «Фробишера и сыновей». Там его ждали последние сведения, собранные на кораблях, стоявших на причале в Лондонском Пуле. Чем больше он будет знать до отплытия, тем меньше времени придется провести во Фритауне – и тем скорее он сможет снова вернуться к своей жене и воссоединиться с ней после разлуки...

Сам того не ожидая, он испытывал глубокое разочарование от того, что оставляет ее в Лондоне.

Эдвина стояла у окна спальни и смотрела, как Деклан уходит прочь. Как только он повернул за угол и скрылся из виду, она подозвала к себе горничную Уилмот, которая заканчивала укладывать одежду Эдвины в небольшой чемодан.

– Помогите мне снять платье – скорее!

Уилмот поспешила к Эдвине. Искусными пальцами развязывая шнуровку на корсете, немолодая горничная с на-

пускнуой суровостью и тревогой в голосе спросила:

– Миледи, вы уверены, что поступаете правильно?

– Совершенно уверена! – Высвобождаясь из расстегнутого платья и позволяя ему упасть на пол, Эдвина продолжала: – Не волнуйтесь, пожалуйста. Ничего со мной не случится! – Уилмот служила у Эдвины со времени ее первого выхода в свет; она была прекрасной горничной, но смелостью не обладала.

– Как скажете, миледи. – Уилмот слова Эдвины явно не убедили, но она без дальнейших возражений помогла госпоже надеть серое дорожное платье.

После того как Уилмот застегнула черные пуговики на спине, Эдвина указала ей на еще не собранные вещи, а сама поспешила к туалетному столику. Она быстро побросала в свою вместительную дорожную сумку туалетные принадлежности, расчески, гребни и шпильки для волос. Затем достала из ящика стола пачку банкнот; часть их положила в ридикюль, а остальные спрятала в потайной карман, вшитый в подкладку дорожной сумки. Когда она вновь обернулась к Уилмот, та уже затягивала ремни на чемодане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.